

Фантастические миры

Константин Калбазов

ШЕЛЕСТ
ЭКСПЕДИТОР

Константин Георгиевич Калбазов

Шелест. Экспедитор

Серия «Шелест», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70315360

Аннотация

Вот уже восемнадцать лет, как я в этом странном мире, пронизанном магией. Ну или Силой, как её называют аборигены. Впрочем, без разницы. Так уж вышло, что я младший и самый слабый ребёнок с практически атрофированным даром. Он вроде и есть, и толку от него никакого. Потому я и планировал свою жизнь, не беря его в расчёт.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Хм. Ну или единое информационное поле Земли, посредством которого я тут вроде как и оказался. Не важно. Главное, что я нашёл средство, как усилить свой дар. И что, продолжать придерживаться изначального плана? Ага. Приходите завтра. Гулять так гулять!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	56
Глава 6	70
Глава 7	82
Глава 8	95
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Константин Калбазов

Шелест. Экспедитор

Глава 1

– Здравия, дядька Василь, – войдя в трактир, я сразу же направился к стойке.

До вечера ещё далеко, заведение открылось недавно, а потому народу совсем мало. За дальним столом сидит одиночка, который зашёл перекусить, хорошо всё же тут готовят, без изысков, но достаточно вкусно и сытно. Чуть ближе двое, но эти больше по пивку, видать, день уже удался. Остальные завсегдатаи сейчас трудятся в поте лица, чтобы было с чем здесь появиться. Трактирщик человек, конечно, душевный, и если совсем уж плохо дело, то с голоду умереть не даст, но вина задаром не нальёт. О том можно даже не просить.

– И тебе поздорову, Шелест. Чего на этот раз учудил? – встретил меня трактирщик.

– С чего это ты решил? – сразу пошёл я в отказ.

– Да больно шепутной ты в последнее время. Как благостное время вспоминаю твоё детство, – хмыкнул он.

– Не наговаривал бы ты на меня, дядька Василь. Я ведь никого сам не задеваю. Только в ответ зубы вышибаю.

– Ну да, ну да, весь из себя такой невинный. Чего в такую

рань пришёл-то? Засвербело? Любаву позвать?

– Хм. Любава это дело хорошее. Дымок, покувыркаться не желаешь? – спросил я молочного брата.

– Квасу бы мне, – отрицательно цыкнув, ответил он.

Я показал два пальца, после чего легонько пожал плечами, мол, некогда, заскочили на минутку.

– Прибытку с вас на копейку, зато головной боли на империял, – вздохнул трактирщик, наполняя квасом кружки.

– Да какие от нас проблемы, – пошёл я в отказ. – Мы мирные люди, дядька Василь.

– Не от всякого лиходея столько шуму исходит, как от тебя, Шелест. Ну, вот скажи, за каким таким делом ты ни свет ни заря сюда заявился?

– Да спросить просто хотел. Ты ведь много чего знаешь, а то, может, кого знающего сможешь присоветовать, – подпустил я трактирщику лести.

– Говори, чего надо, – покачав головой, с понимающей улыбкой произнёс он.

– Ты никогда не слышал о таком месте, как Белотурова падь?

– И ты слышал, хотя и вряд ли бывал, – без раздумий пожал плечами трактирщик.

– И что это за место? – спросил я, будучи уверенным в том, что точно ничего подобного не слышал.

– Волчья падь.

– А! Ты о той байке, когда лет сто назад почти вся разбой-

ничья ватага в оборотней обратилась, – припомнил я одну из историй, которую слышал ещё в детстве.

– Ну, байка то иль быль, сегодня уж не узнать, да только до того её называли Болотуровой падью, потому как там было капище, при котором обретался волхв Белотур, что означает «светлая сила».

– Хм. Помнится, именно ты нам ту байку и рассказывал, только ни о каких волхвах тогда не упоминал, – заметил я.

– Не упоминал, потому что и сам не знал. А в прошлом году покойный Топорок рассказал. Выпил он тогда изрядно, а Архип, покойный же, возьми да подкинь его, мол, сменил тот жизнь вольную на холопскую. Ну, Топорок не удержался и выдал, что он, значит, теперь учёный, а Архип как резал людишек ради их добра, так по сию пору и режет. Ну и как пример как раз про Волчью падь и выдал, дескать, мы неучи, а он нынче вон чего знает. Мы над ним потешились, спросили, что даёт ему-то это знание? Можно ли его продать, съесть или носить? А он смолчал да рожу скривил, словно горсть клюквы прожевал.

– Понятно.

– А тебе это зачем?

– Да так, вычитал в книге про это место, и будто бы оно в наших краях, да только я никогда о нём не слышал. Вот и стало интересно.

– Что за книга?

– О стародавних временах, любви княжны и витязя из

княжьей дружины.

– Вот смотрю я на тебя, Шелест, то ты муж зрелый, умудрённый годами, разве только седой борода не хватает, то ты варнак, каких свет не видывал, а то прям дитё благодное. А главное, никак разобрать не могу, где ты настоящий.

– Да я и сам себя раз в седмицу не понимаю.

– Оно и видно.

Задерживаться в трактире я не видел смысла. Оно, конечно, время к обеду, да куда там есть, если аппетит напрочь перебит сладким. Сначала сам лакомился, потом за компанию с Эльвирой Анатольевной, а следом и с Марией Ивановной. Кондитерских изделий на месяц вперёд налопался. Хм. А ведь в гостинице ещё и торт дожидается.

К тому же свербело от желания поскорее добраться до Волчьей пади так, что никакого удержу. Но коль скоро так всё удачно сложилось, и я с ходу получил нужную мне информацию, то уходить вот так поспешно уже неправильно. Опять же, это я себе аппетит сладким перебил, у Илюхи с этим полный порядок, и отказался он скорее, на меня глядя, а не по собственному желанию.

Ну и такой момент. Я помню карту княжества и точно знаю, что до оврага того нам не меньше тридцати вёрст. А ведь ещё и в дорогу нужно собраться, пока то да сё, на поиски останется не так чтобы и много времени. Мне же совершенно не понятно, как искать нужное место. Седову-то полегче было, он ориентировался по шести валунам, выложенным в

круг и являвшимися вершинами лучей, на которых и приносили людей в жертву. Что же нужно искать мне, я не знал.

Обидно, конечно, будет, если до завтрашнего вечера не сыщу потребное, потому что минует полнолуние, и тогда месяц ждать придётся. Ну или в течение всего этого времени искать это самое место Силы, чтобы проверить свою теорию.

Хм. Вообще-то, залить конструктор силой у меня ещё получится с помощью моего «Панциря», который я мало-помалу с помощью княжьих вассалов сумел заполнить под пробку, а вот активировать – уже нет. Я же вообще ещё ничего не могу и не смогу ещё долго, как ни стараюсь. Если только кого в жертву принести, чего не хотелось категорически...

Время есть, и чтобы не заострять внимание дядьки Василя на Волчьей пади, я заказал в отдельный кабинет чего перекусить и попросил позвать пару подавальщиц. На что трактирщик только одобрительно кивнул, мол, давно бы так, а то припёрлись по кружке кваса выпить...

Из Воронежа мы с Ильёй выехали на рассвете, экипировавшись по-походному. Благо я догадался придержать пару трофейных лошадей. Не потому, что собирался куда-то, а просто не хотелось добираться до дома пешком, в погоню-то за оборотнем мы отправились на своих двоих, поскольку живой транспорт в этом деле только помеха.

– Вот что, Дымок, давай параллельно мне поверху. Время от времени обмениваемся сигналами, – произнёс я, спрыгивая на землю и снимая из-за спины ружьё.

Мы выехали к глубокому и протяжённому оврагу, и потому как я понятия не имел, что мне нужно искать, решил доехать до его северной оконечности, ну или начала, так как южным своим концом он упирался в Дон. И теперь мне предстояло пройти по его дну все шесть вёрст и постараться найти искомое.

– А если... – начал было молочный брат.

– А если к нам кто сверху подберётся, – оборвал его я. – Так что не расслабляйся и головой крути во все стороны.

– Там кустов и деревьев хватает, и склоны местами чисто скалы, я тебя не всегда видеть буду. А ну как свистнуть не получится, – возразил Дымок.

– На этот счёт не переживай. Уж стрельнуть-то я всегда успею, – тряхнув двустволкой, ответил я, не забыв добавить: – И ты ружьё наготове держи.

Что тут сказать, мой колесцовый замок это не курок. Для изготовления к бою достаточно легонько толкнуть вперёд ползунок предохранителя, доля секунды, а там жми на спусковой крючок.

Вначале склоны у пади были вполне себе пологие, а на правом обнаружился ключ, из которого тянулась тонкая струйка прозрачной воды. Чем дальше я углублялся, тем круче становились склоны, а поток ручейка всё сильнее, подпитываемый другими ключами. Одни обнаруживались в самом русле, другие на склонах или чуть в стороне. Похоже, в Дон впадал уже полноводный ручей.

Овраг извивался змеёй, то сужаясь настолько, что могли пройти не больше трёх человек в ряд, и тогда склоны становились практически отвесными, то расширяясь до трёх десятков шагов. Дважды, то справа, то слева попадались узкие участки с достаточно пологими склонами, позволявшими сойти на дно не только пешему, но и всаднику. Как, впрочем, и любому зверю, следов там хватало и свежих, и застарелых, и оплывших из-за дождей настолько, что их принадлежность уже не определить, несмотря на науку дядьки Ефима и мою абсолютную память, позволившую хорошо её усвоить.

Я прошёл через очередное сужение и оказался на довольно просторной площадке длиной шагов в семьдесят и шириной в тридцать. Склоны превратились в стены, сложенные из сланца высотой с двухэтажный дом. Слева отвесный, справа имеет отрицательный уклон и нависает эдаким козырьком. В основании три широких и достаточно глубоких грота.

Стоило присмотреться к этому творению природы, и мне показалось, что сводчатые сланцевые потолки закопчены. Могло ли быть так, что эта копоть осталась от бывшей стоянки разбойников? Не знаю, сколько она может держаться, но если её не смывает дождь, то отчего бы и нет. К тому же в центральном гроте заметен валун, на котором пристроилась довольно большая каменная плита практически правильной овальной формы, эдакий здоровенный стол, и я готов поставить рубль к тысяче, что он рукотворный.

Решив рассмотреть находку получше, я поднёс к губам свисток и дунул в него, издав птичью трель. Практически сразу послышался сигнал Дымка, и я дунул ещё дважды, обозначая остановку, а в ответ получил один, мол, понял.

Я практически вплотную приблизился к первому по счёту гроту, оказавшись под нависающей скалой, как вдруг остановился, прислушиваясь к своим ощущениям. Я почувствовал Силу, в этом нет сомнений. Ощущения сродни тем, что я испытывал, оказываясь в изнанке, и вместе с тем серьёзно отличались от них. Это как почувствовать запах моря, слышать его прибой, но не видеть и не иметь возможности прикоснуться к нему.

А ещё пришло понимание, что карман подо мной, как прыщ, который зреет, наполняясь Силой, а в какой-то момент он превратится в нарыв и лопнет, выметнув своё содержимое. Только произойдёт это ой как не скоро, без понятия когда, но уж точно не сегодняшней ночью. А потом этот карман вновь начнёт наполняться, и всё повторится.

Скорее всего, эти ощущения свидетельство моей связи с единым информационным полем Земли. С другой стороны, быть может, причина и в том, что я универсал, каковые случаются крайне редко, а чтобы почувствовать место Силы, нужно оказаться непосредственно в нем. Вот это, к примеру, имеет радиус всего-то в полторы сажени, и я ничего не почувствовал, пока не вступил в его пределы.

Хм. А ведь может стать и так, что случайные выбро-

сы Силы, под которые попадают люди, превращаясь в оборотней, происходят с определённой периодичностью и в конкретных местах, как гейзеры. Просто не всегда у подобных выбросов бывают жертвы. Конструкт же волхвов всего лишь является катализатором, ускоряющим этот процесс.

И если взять за основу, что чувствовать их могут только универсалы, то в принципе нет ничего удивительного в том, что эти места остаются необнаруженными. Сами одарённые, способные в равной степени работать со всеми стихиями, редкость, а почувствовать эти маленькие пяточки они могут, только оказавшись в их пределах. Так что ничего странного в том, что места Силы пока попросту неизвестны.

Кстати, бог весть с чего, но у меня появилось стойкое убеждение, что при вскрытии нарыва накрывает всю площадь места Силы. Воздействие же конструкта подобно проколу, и весь поток выходит через его центр. Надо полагать, именно в этом причина того, что в оборотней той ночью обратилась почти вся разбойничья ватага. Ну или несколько её членов, а дальше разнесли и добавили жути те, кто выжил. У страха ведь глаза велики.

Вообще-то, это всё только мои ничем не подкреплённые выводы, основанные на... Да чёрт его знает, на чём они основаны. Сведений для этого точно маловато, ощущения же так себе аргументация для подобных умозаключений. Впрочем, если припомнить мои успехи с узорами, то всё это не так уж и нереально...

– Значит так, Дымок, днёвку и ночёвку организуем в этой рощице, огонь не разводим, ведём себя тихо, чтобы никто не заметил, – вернувшись к пологому склону и поднявшись наверх, подозвал я молочного брата.

– Зачем? – недоумевающе поинтересовался тот.

– Нужно. Как стемнеет, ты останешься здесь один, а я кое-куда схожу.

– Ничего не понял, – после непродолжительной заминки сделал вывод Илюха.

– А тебе и не нужно понимать. Просто жди.

Ну вот не желал я посвящать его в детали предстоящего. Меньше знает, лучше спит. Если у меня что-то выгорит, это будет такая бомба, что мама не горюй. Да чего уж там, даже если правильно моё предположение относительно мест Силы, это уже информация государственной важности. Причём проверить его я смогу уже в самое ближайшее время, потому что мне относительно точно известно, где именно попал под удар Ерёма.

До наступления темноты мы пробыли в роще, ведя себя тише воды, ниже травы. Оно вроде бы места глухие, ни имений вокруг, ни деревень, ни дорог поблизости. Даром, что ли, разбойнички себе тут логово устроили. Но с другой стороны, мало ли кого могла сюда занести нелёгкая, поэтому лучше перебдеть, чем недобдеть...

С наступлением темноты я подхватил своё оружие и направился к спуску. Вообще-то, до места путь получался

неблизкий, но хорошо уже то, что на небе ни облачка, и видимость, как говорится, на миллион. Даже вокруг видно на несколько вёрст.

Я был уже у самого спуска, когда вдруг услышал приближающийся лошадиный топот. Ручкаться с незнакомцами в ночной степи дурная затея, и я поспешил укрыться в зарослях бурьяна. Контраст лунного света и непроглядной тени мне в помощь, поэтому всадники, проехавшие в направлении спуска в овраг буквально в дюжине шагов, меня не заметили.

Зато я сумел рассмотреть неизвестных вполне себе отчётливо. Вот интересно, почему я не удивился, увидев среди них Эльвиру Анатольевну? Двое из них позвякивали цепями кандалов. А чем же ещё-то? Не металлисты же они из моего мира, в самом-то деле. И вообще у меня не было и капли сомнений, за каким они сюда заявились.

Дождавшись, когда группа всадников спустится на дно оврага, я посидел ещё с минуту, соображая, как быть, а после двинулся обратно в рощу. Торопиться мне незачем, так как до полуночи всё одно не начнут, а значит, у меня в запасе минимум два часа, и я предпочёл вернуться к молочному брату.

– Что случилось? – вышел он из кустов в стороне от лошадей, когда узнал меня.

Грамотно, что тут сказать. Самому укрыться куда проще, чем спрятать лошадей. Хорошие животные, сильные, быст-

рые и выносливые, только не обученные, а потому и к тишине неприученные. Стоять на месте бесшумно они не умеют, то топчутся, то всхрапывают да гривами трясут или насекомых отгоняют хлесткими ударами хвостов. Чтобы хорошо обучить конягу, нужно терпение и не один год.

– Гости у нас.

– Лихие?

– Нет.

– И что делать будем?

– Сейчас поверху доедем до места нашей последней переключки. Там я тебя оставлю, а сам сползаю к оврагу, погляжу сверху, луна мне в помощь, – ответил я.

Скала с нашей стороны имеет отрицательный уклон и нависает над местом Силы. Подобравшись к самому её краю, я смогу увидеть весь конструкт целиком. Если у меня и получится рассмотреть, какие можно сделать в нём изменения, то лучше условий не придумать. С земли охватить его одним взглядом я всё же не сумею. Ну и такой момент, что при этом не придётся опустошать свой запас Силы.

– Шелест, ты можешь толком сказать, что случилось и за какой такой надобностью мы здесь? – набычившись, заинтересовался Дымок.

– То тебе без надобности, – отмахнулся я.

– Да... – начал было он, но я его оборвал.

– Запомни, Дымок, стоишь с лошадьми и ждёшь меня. Ни на шаг от них не отходишь. Увяжешься за мной, и я не по-

смотрю, что ты мой молочный брат, порешу без сомнений. Уяснил?

Было в моем голосе и облике что-то такое, что Илюха сразу смекнул, это не шутка, и я реально его отправлю к праотцам. Причём я не играл, а был предельно серьёзен.

Хватит с меня и того, что я засветился с улучшением узоров. Если от этого ещё можно как-то отбрехаться, то с апгрейдом плетений уже сложнее. Тут могут и в оборот взять, потому как это уже напрямую одарённых касается. А получится углядеть улучшения для конструктора, тогда точно абзац, и за причинное место меня возьмут однозначно.

Прямо как Эльвиру Анатольевну, которая теперь поставляет оборотней для императора. Вот только она службу долгом своим почитает, а мне этого счастья и даром не нужно. Опять же, я такого доверия, как отставной гвардейский капитан, не могу иметь по определению, а значит, либо на цепь, либо придавить по-тихому.

– Я всё понял, Шелест, – нервно сглотнув, произнёс Дымок.

– Ладно, с этим понятно. Мы шкурки с собой не брали, чтобы обмотать копыта? – поинтересовался я.

– Нет, – коротко ответил он.

– Тогда давай резать одеяла, пустим их на обмотки.

Глава 2

Обмотки из одеял хорошо глушили топот копыт, но я предпочёл не торопиться. Времени до полуночи предостаточно, ехать нам не так уж и далеко, так что и шагом успеем. А при таком раскладе и вовсе получалось практически бесшумно, только сбруя позвякивает.

Когда добрались до места, я избавился от всего лишнего, и оружия в том числе. Зато кроме своего ножа прихватил ещё и Илюхин. А до того распустили второе одеяло на полосы, чтобы наскоро сплести какую-никакую верёвку. Халтура чистой воды, но для страховки вполне подойдёт, мне ведь по ней не взбираться по отвесной стене. А вообще надо бы озаботиться, чтобы моток всегда был с собой.

Дымок хотел было отправиться со мной, пришлось опять осаживать. Видать, недостаточно испугался в прошлый раз, решил, что я не так серьёзен. Разбаловал я этого прохиндея. Вон пусть за лошадьми присматривает, я и сам уж как-нибудь управлюсь. А ему там делать нечего. От слова совсем.

Уклон к обрезу скалы имелся, но незначительный, а потому и не являлся проблемой. Я вогнал в землю ножи по самые рукояти, закрепил на них импровизированную верёвку и, придерживаясь за неё, пополз к краю. Задача её состояла лишь в том, чтобы не дать мне сползти по зелёной и сочной траве, так что и прочности полос одеяла, и такого крепепа

хватало с лихвой.

А вот с точностью у меня получилось не очень. Я выглянул из-за края, промахнувшись на добрую сотню шагов. Впрочем, грех жаловаться, могло быть и гораздо хуже. Времени в запасе всё ещё предостаточно, а потому я без спешки пополз обратно, чтобы сместиться и выйти непосредственно над конструктом.

Благодаря моему исключительному дальномеру со второй попытки я оказался именно там, где и нужно. Да ещё и непосредственно над центром рисуемой Рябовой шестилучевой звезды. Судя по всему, Эльвира Анатольевна место Силы не чувствовала, а потому разбила конструкт на самой границе кармана. Ну и как результат я как раз оказался над кругом, предназначенным для приговорённых. Идеальная точка наблюдения.

Рябова работала самой обычной тростью, вырисовывая вязь прямо на голой земле, лишённой растительности. Мне пока ничего не было видно, что и неудивительно. А значит, придётся дожидаться, когда она зальёт плетения Силой, только так получится понять, увижу ли я возможность для внесения каких-либо изменений.

Чуть в стороне под присмотром четверых охранников стояли двое мужчин. Одеты в какие-то лохмотья, на руках и ногах строгие кандалы, скреплённые в одну систему. Такие не то что человека удержат, но и могучего зверя, в какового и превратятся приговорённые. Похоже, у этих уже имелись

узоры, и нанести им «Повиновение» не получится, оттого и кандалы. Седов с такими мерами предосторожности не заморачивался, полностью контролируя несчастных в обеих ипостасях.

Итак, что мы имеем? Скорее всего, покойный волхв вычислил по летописям вот это капище и, очень может быть, планировал расширение своего дела или же решил отказаться от обращения обратной вблизи своего дома, предпочтя более глухое место. Версия вполне рабочая.

А вот слуги государевы наверняка используют оба капища. Здесь Рябова, а под Курском Матвеев. Таким образом на выходе вместо двух волколаков получается четыре. Хотя я бы предпочёл от капища в Чёрной роще отказаться в целях безопасности, ведь о нём как минимум известно мне. Дело-то серьёзное, а потому в угоду секретности лучше бы поумерить аппетиты.

Теперь понятно, отчего Рябова задавала мне провокационные вопросы по поводу волколаков. Хотела убедиться в том, что меня не прельщает перспектива роста дара таким путём, и я не стану поднимать по этому поводу шум. В то, что я за короткий промежуток времени сумею разобраться с записями Седова и после воссоздать ритуал, поверить мудрено. Моя погоня за Ерёмой насторожила её, и она устроила случайную встречу в кофейне, чтобы вновь убедиться в том, что мне это не интересно.

Всё же странно. Рябова ведь офицер гвардии и тут

вдруг... Да практически палач, пусть и в весьма своеобразной форме, но сути это не меняет. Настолько предана присяге? Вариант.

Это в моем мире или даже времени подобное не понять. Слишком уж мои современники циничны и прагматичны. Здесь также случается и брат на брата, и обманут, и без штанов оставят. Но это всё по большей части исключения из правил. В основе своей родственные узы тут крепкие, и поговорка: «Кровь не водица» не пустые слова. Купцы нередко заключают многотысячные сделки не на бумаге, а просто ударив по рукам. Солдат идёт на смерть, точно зная, что погибнет за други своя. А у нас даже про Александра Матрсова и гололёд анекдот сочинили.

Так что Рябова может как угодно относиться к служащим в Тайной канцелярии, но, получив приказ, она однозначно его выполнит. Будет ненавидеть отдавшего его, презирать себя, но и не подумает ответить отказом...

Эльвира Анатольевна закончила рисовать плетения и подала знак конвоирам, которые подвели приговорённых к центру и определили их в небольшой круг. Как ни странно, те безропотно выполнили приказ. Возможно, их чем-то опоили. Мне показалось, что вели себя они как-то уж слишком апатично.

Едва охрана покинула пределы звезды, как Рябова залила её Силой, и я чётко увидел прорисованные плетения, от которых начало исходить зеленоватое свечение. Пара стуков

сердца, и она активировала конструкт.

У меня разом поплыло сознание, словно я провалился в сон. Именно провалился, а затем выскользнул из него, находясь при этом в какой-то эйфории. Ощущения сродни тем, что я испытывал в детстве, когда мы отправляли друг друга в короткий сон, пережимая сонные артерии.

Хорошо всё же, что я обмотал верёвкой запястье. Потому что, придя в себя, понял, как она натянута, и я не соскользнул вниз только благодаря ей. Хотя и высунулся уже по самые плечи. Посмотри кто вверх, и непременно заметил бы меня, но перед находящимися в овраге разворачивалось куда более притягательное зрелище.

Приговорённых корёжило так, что я слышал влажный хруст костей трансформирующихся скелетов. Признаться, завораживающая картина. И таки да, чем-то похоже на то, как это показывают в кино. Дождавшись окончания обращения, я подался назад и, развернувшись, пополз вверх.

Об оборотнях я позабыл, едва они пропали из моего поля зрения. Куда больше меня занимал конструкт. Моё предположение оказалось верным, и я теперь понимал, что его так же можно изменить. Правда, это было лишь на уровне ощущений, ничего похожего на ситуацию с узорами и плетениями. И скорее всего, причина в том, что я совсем недолго наблюдал за свечением плетений. Разумеется, извлечь перед внутренним взором картинку и любоваться ею сколько угодно мне не составляло труда. Вот только осознание, что я мо-

гу что-то переделать, при этом не появлялось.

Но кое-что я всё же понял. Во время выброса Силы не имеющий дара принимает её телом или печенью, или только желчным пузырём, я не в курсе и гадать могу хоть до ищачьей пасхи. Зато я знал, что происходит с одарённым. Огромный поток Силы устремлялся по каналам, заполняя вместилище и создавая давление, под воздействием которого стенки его начинали расходиться.

Однако напор слишком сильный, и каналы не в состоянии пропустить через себя большой объём. К тому же давление столь велико, что вместилище попросту может не выдержать этого. Поэтому каналы своей неспособностью пропустить через себя критическое количество энергии выступают эдаким предохранителем. Как результат, лавина доля уходит в пустоту, и лишь незначительная часть успевает проникнуть внутрь. Вот только воздействие столь коротковременно, что оно не успевает оказать какое-либо влияние на вместилище.

М-да. Кое-какие ответы я получил, кое-что мне стало ясно, но главное, для чего я сюда и притащился, выяснить не удалось. Иными словами, я понимаю, что могу внести некие изменения, но понятия не имею, какие именно и что за этим последует. Хм. Вообще-то, чего тут думать, трясти надо. Нужно найти место Силы, нанести на нём конструкт, активировать его и тогда уж прикинуть, что и как можно будет изменить.

– Ну как там? – встретил меня молочный брат.

– Там всё очень хорошо, – похлопав его по плечу, заверил я.

– И чего там?

– Есть такая поговорка, Дымок: «Многие знания, многие печали». Понимаешь, к чему я?

– Понимаю. Но интересно же.

– Не суй свой нос туда, куда не надо, целее будешь. Как мне ещё втемяшить в твою башку эту простую мысль?

– Да я же не болтливый, ты ведь знаешь, – гнул своё Стукалов-младший с просительным выражением на лице.

И тут из оврага послышался тоскливый волчий вой. Да такой, что до печёнки пробрал, на что я не впечатлительный. Илюха резко обернулся на звук, а потом опять перевёл взгляд на меня.

– Это... – начал было он.

Ну не мог он не узнать вой оборотня, потому как мы несколько суток шли по следу одного из них.

– Всё. Вопрос закрыт, – оборвал я его. – Лучше скажи, ты со слов Стеши понял, где именно Ерёма обратился в оборотня?

– В пяти вёрстах от деревни на неугодьях, в овраге. Туда никто и не ходит.

– А его за каким туда понесло? – удивился я.

– Горшочек с деньгой у него там припрятан, вот и полез, на ярмарку собирались.

– Понятно. Тогда едем, глянем, что там да как.

Не вижу причин откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Это вот тут место Силы разрядилось, а там, если мои предположения верны, карман остаётся всё так же заряженным и продолжает наполняться Силой, пока не дойдёт до критической массы.

До места не так чтобы и далеко, всего-то шестьдесят вёрст. Нет, понятно, что в моём мире обычным лошадям это, считай, дневной переход, но мы вполне могли управиться за неполные четыре часа. А если на половине перейдём на галоп, так и вовсе часа в три уложиться можно, благо узоры у лошадей налитаны полностью, правда, вымотаем их изрядно. Но мне такие подвиги и не нужны, четыре, значит, четыре. Как раз на рассвете будем на месте.

Пока не выбрались на большак, особо не разгонялись, потому как лошадей стоило поберечь, мало ли что там под копыта попадёт. Но как только перед нами оказалась извиляющаяся серая лента тракта, сразу дали лошадам шпоры. Десять минут рысью и столько же шагом, чтобы дать животным перевести дух. Эдак их надолго хватит. Не автомобиль, но всё ведь познаётся в сравнении.

Как я и предполагал, к нужному месту мы подъезжали уже на рассвете, а с первыми солнечными лучами были под сенью деревьев в начале нужного оврага.

– Дымок, ты с лошадьми остаёшься здесь. Разбей лагерь, разложи костерок, приготовь что-нибудь поесть. А я пока

прогуляюсь.

– А можно с тобой? – снова заканючил он.

– Что именно из моих распоряжений ты не понял? – глядя ему в глаза, спросил я.

– Так это... – начал было и осёкся он.

– Что? – резко спросил я.

– Ну-у...

– Значит, сказать нечего. Что-то путается в твоей широко умной голове, дружище, а потому заруби себе на носу. Либо ты Илья, мой молочный брат, и тогда ты сидишь в имении и пользуешься по этому поводу послаблениями. Либо ты Дымок, мой боевой холоп, и выполняешь мои приказы, а не канючишь по каждому поводу. Уяснил?

– Уяснил.

– И учти, больше разговоров на эту тему не будет. Начнёшь лезть со своими хотелками в бою, пристрелю к Бениной маме. Появятся они в походе, лично выпорю, пока шкуру до мяса не сниму. Остаёшься здесь, разбиваешь лагерь, готовишь завтрак. Это всё, – жёстко закончил я.

Овраг неширокий и неглубокий, никакого сравнения с Волчьей падью. Понятия не имею, где именно это случилось с Ефимом. Может, на дне оврага, а может, и на склоне в начале или в конце. Какой радиус этого кармана? Полторы сажени, как это было на старинных капищах. Впрочем, размеры капища в Чёрной роще мне неизвестны, я же не видел его. Может, волхв, как и Рябова, не чувствовал Силу подоб-

но мне и пристроился на краю, а конструкт не завязан на его габариты и сам по себе имеет такие размеры.

Поэтому я решил сначала пройтись по правому краю дна оврага, потом по левому, после чего начать захватывать склоны. Вот так и буду прочёсывать его частой гребёнкой. Радует одно, в длину он не больше полутора вёрст.

Когда я вернулся, завершив первый круг, костёр был уже разложен, а котелок пристроен на рогатине. Вот и ладошки, к завершению второго круга каша как раз поспеет. На обиженный вид Илюхи я не обратил внимания, разве только расстроился немного, похоже, моим напарником ему не быть. С одной стороны, жаль, но с другой, мне ведь прямая дорога в гвардию, а туда с прислугой и впрямь нельзя.

Я уже возвращался обратно, захватив полосу правого склона, как примерно середине пути вдруг почувствовал Силу. Как и в Волчьей пади, ощущалось некое воспаление, заполненный карман, которому до выброса ещё долго. Сколько именно, я без понятия, но, несмотря на прошедшее полнолуние, давление Силы, стремящейся вырваться наружу, я не ощущал. В смысле оно присутствовало, но ничего критичного.

Я без труда определил центр кармана. По всему выходило, что его диаметр составляет не больше полутора сажен. То есть в два раза меньше, чем в Волчьей пади. Только там внутри круга не растёт ни одного деревца или куста, лишь редкая трава. Здесь же есть и кусты, и деревья.

– Ну и как тут вписывать эту клятую звезду? – сам себя спросил я, осматриваясь вокруг.

В принципе, лучи не ориентированы по сторонам света, и я начал прикидывать, как именно можно вписать конструкт, чтобы не устраивать вырубку. Совсем без этого не обойтись. Но получалось хотя бы не трогать деревья, ограничившись только кустами. Я совместил центр круга и конструкта. Пример Рябовой показал, что сработает и при смещении, но мне показалось, что так будет правильно.

Для поспешности особых причин нет, но и желания заниматься этим в лунном свете, пробивающемся сквозь листву, я тоже не испытывал. Поэтому вооружился тесаком и срезал все кусты так, чтобы ничто не мешало начертанию плетений. Под нож пошла и трава, но так как я очищал только те места, где будет проходить вязь, то в глаза моя подготовительная работа не бросалась.

На этом я решил пока остановиться. Причин несколько. Во-первых, среди бела дня можно нарваться на нежелательных свидетелей, чего хотелось бы избежать. Во-вторых, предполагаю, что луна мне всё же будет в помощь, пусть она уже и пошла на убыль.

Ну и в-третьих, не в меру любопытный Илюха, привыкший к тому, что ему многое прощается, а потому сующий свой нос, куда не следует. Положа руку на сердце, в этом моя вина. Расслабил я его за время совместного проживания, зачастую позволяя заступать за границу взаимоотношений хо-

лоп-барин.

Вообще-то, вполне себе обыденное явление: кормилицы, няни, старые дворовые холопы нередко могли себе позволить не только какое-либо замечание, но и приложиться хвостом или рукой пониже спины, вразумляя выросшее и не набравшееся ума дитяtko.

Но одно дело подобное поведение в быту, и совсем другое в боевой обстановке. А как показывает практика, даже банальная поездка к соседям может обернуться чем угодно. Или нынешняя ситуация, когда Илья проявляет неуместное любопытство, и мне приходится повторять уже в третий раз, что это не его ума дело. У него-то свербит в заднице, а для меня в сложившейся ситуации даже намёк может обернуться серьёзными проблемами.

Оно бы отмахнуться и забыть, ведь изначально на дар не рассчитывал. Но с другой стороны, глупо ведь отказываться от того, что, можно сказать, само идёт в руки. Тут всего-то нужно сохранить в тайне новый способ роста, если из этого что-либо получится. Благо на государственном уровне никто не производит учёт рангов одарённых. Вот как записали потенциал в аттестате во время инициации, так от него и отталкиваются.

В армии командир непременно уточняет у подчинённого, какой у того дар, чтобы понимать, на что рассчитывать в бою. Да и то на словах. Или в светской беседе всплывёт этот вопрос чисто любопытства ради и поддержания беседы.

Если не привлечь к себе внимание, то никто не станет проверять, какой у тебя ранг. Исключение – ситуация наподобие той, что сложилась в нашей семье, когда батюшка может стать юридически главой семьи после подтверждения своего ранга.

– Вот молодец, Илюха, отлично наловчился ты готовить кашу на костре. Ни капли не пригорела, – похвалил я молочного брата, проглотив первую ложку.

Между прочим, от всей души и от чистого сердца. Сам я подобным похвастать не могу. Как возьмусь готовить на костре или даже на голландке, так непременно подгорает. Разве только в русской печи получается хорошо, но там по факту готовится в духовке, так что сравнивать некорректно.

– Стало быть, не Дымок уже, – опустил плечи, со вздохом произнёс Стукалов-младший.

– А это от тебя зависит, братец, – и не подумал я его утешать.

– Я всё понял, Шелест, – с надеждой посмотрел он на меня.

– Ладно, дам тебе ещё один шанс. Только ещё раз напоминаю, пока я не принял решение, совет ещё приму, но, получив приказ, ты его молча выполняешь или уточняешь, как лучше его выполнить.

– Слушаюсь.

– Ну-ну, поглядим, Дымок. Поглядим.

Глава 3

Я всё же не захотел рисковать и не взял с собой Дымка. Он может быть абсолютно уверенным в том, что принял решение, и станет неуклонно следовать ему, но в какой-то момент натура возьмёт своё, и Илюха попросту сорвётся. Поэтому пусть сначала докажет, что может сдерживаться, а там я подумаю, стоит ли его допускать к этой тайне.

Хм. Ну, пока всей тайны только то, что я знаю, как можно искать места Силы. А вот будет ли от этого толк, кто его знает. И в любом случае я не собираюсь распространяться по этому поводу, а значит, мне прямая дорога в гвардию, и с Илюхой я разойдусь уже через неполные три месяца. Поэтому пусть так и остаётся в неведении.

Конечно, в одиночку путешествовать небезопасно, но я предпочту пойти на риск ночных прогулок, чем привлекать к себе внимание государственной машины. Она перемелет меня и не подавится, поэтому даже о том, что могу вносить изменения в плетения, я распространяться не собираюсь. Хватит одной ошибки с узорами. Пока это никого не заинтересовало, и я надеюсь, что так оно останется впредь.

К оврагу приехал за час до полуночи. Времени, чтобы нарисовать конструкт, более чем достаточно, и я не стал откладывать дело в долгий ящик. Вооружившись обычной палкой, приступил к делу и вскоре порадовался тому, что прибыл

сюда заблаговременно. Пришлось немного помучиться из-за плохого освещения. Участки, попавшие в тень, оказались в непроглядной мгле.

В результате я сначала наносил вязь на освещённом участке, запоминал, как именно она вырисовывается, и после уже по памяти прорисовывал в темноте на ощупь. Факел с лёгкостью решил бы эту проблему, но мне не хотелось зажигать огонь. Мало ли кто может его заметить.

Как бы то ни было, но минут за десять до полуночи я закончил с этим и, дождавшись, когда луна окажется в зените, залил конструктор Силой из своего «Панциря». То, что она начала убывать из бриллианта, а вязь на лучах звезды заполнялась зеленоватым свечением, сказало мне о том, что я правильно прорисовал плетения, и что полнолуние совсем не обязательное условие для активации конструктора.

Когда вся вязь заполнилась Силой, а запас её в амулете практически полностью иссяк, я поспешил забраться на заранее присмотренное дерево. Бог весть сколько ещё продержится свечение, а потому дорога каждая секунда.

Сверху я смог охватить всю звезду. Конечно, кое-где мешали стволы деревьев, но меня не отпускала уверенность в том, что это не критично. А ещё я видел, что действительно могу внести изменения, причём весьма существенные. Я без понятия, как такое возможно, но теперь более чем уверен, что это благодаря прямой связи матрицы моего сознания с единым информационным полем Земли.

Итак, нарисованный конструктор мог сработать и здесь, но для его активации потребуется два неперенных условия – полнолуние и способность оперировать минимум десятью люмами, то есть одарённый пятого ранга. Но одновременно с этим я понимал, что если выписать плетения более убористо и вписать звезду в габариты именно этого места Силы, на выходе эффект получится лучше, и в него можно будет внести изменения.

Но самое главное в моём случае это то, что для его активации не потребуется вообще никакого стартера, это произойдёт само собой, по заполнении плетений Силой. Вторым по значимости являлось то обстоятельство, что не будет выброса Силы. Через образовавшийся прокол она просто потечёт.

С учётом того, как именно происходит рост вместилища, я решил попробовать расположиться в потоке и пропустить его через себя, скользнув в изнанку. Ведь в этом случае воздействие будет иметь не кратковременный, а длительный характер, что должно пойти на пользу росту вместилища. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Свечение продержалось примерно с минуту, после чего плетения погасли, растеряв напитавшую их Силу. Но это и не важно, свою основную задачу они выполнили. Осталось попробовать воплотить то, что по наитию сложилось у меня в голове. Признаться, я не сомневался в том, что непременно добьюсь успеха. Хотя моя уверенность и была основана лишь на узорах, ведь изменения на плетениях так и остались

непроверенными.

Теперь нужно восполнить растраченный заряд моего амулета. После чего попробовать осуществить задуманное. В прошлые разы проблем с этим не возникло. После происшествия с Седовым я обратился к нескольким дворянам типа того же спившегося Виталия Николаевича, которые за отдельную плату в несколько дней наплатили бриллиант до краёв. Потери во время схватки с убийцами на Московском тракте в одночасье закрыл князь Долгоруков. И в этот раз я решил попробовать пойти тем же путём, чтобы уже этой ночью проверить свои выводы...

– Здравствуйте, Мария Ивановна, – поднявшись с полумягкого диванчика в гостиной, приветствовал я великую княжну.

– Здравствуй, Пётр. Что-то случилось? – поинтересовалась она, уже не делая замечаний по поводу дружбы и не требуя обращаться к ней на «ты».

– Я к вам с просьбой. Не могли бы вы помочь заполнить мой амулет, – извлёк я свой «Панцирь».

Нет, ну а что такого. Она же при каждом удобном случае позиционирует себя моим другом, так отчего бы этим и не воспользоваться. Всё равно ведь не отстанет, да и для окружающих, в том числе и врагов, я её ближний со всеми вытекающими, и охотятся на меня по этой же причине. Я, конечно, в Воронеж прискакал один, но причина тут вовсе не

в том, что расслабился, а в секретности.

– Ого! – увидев практически полностью разряженный амулет, удивилась она и тут же всполошилась. – Ты в порядке?

– В полном, – заверил её я.

– Это что же такое с тобой стряслось, что ты разрядил «Панцирь» в хлам? Где произошло нападение? Сколько их было? Ушли или там и легли? Я немедленно отправлю...

– Спокойствие, Мария Ивановна. Только спокойствие. Дышите глубоко. Ничего страшного не случилось, – перебил я всполошившуюся великую княжну.

– Ты не понимаешь, Пётр, батюшка и матушка убыли в Москву, а в их отсутствие я единственная представительница старшей ветви рода и имею все полномочия...

– Ваше высочество, не случилось ничего такого, с чем бы я не мог справиться. И вообще, дайте сюда. Времени это займёт больше, но как-нибудь обойдусь сам, – протянул я руку к амулету.

– Я не сказала, что не готова помочь. Напротив, хочу... – убирая руку и слегка отворачиваясь, возразила она.

– Не стоит меня опекать, Мария Ивановна. Я и сам могу позаботиться о себе, и не только, – перебил её я.

– Намеряете на двойное моё спасение?

– Не намекаю, а говорю прямо. Памятуя и о вызволении Лизы и боярышни Столбовой, – и не подумал я скромничать.

– Фи таким быть, Ярцев, – фыркнула она.

Резко обернувшись, слегка взметнув юбки, являя взору аккуратные туфельки на симпатичном каблучке, и направилась на выход из гостиной. Вот так взглянешь со стороны и можно считать, что аудиенция закончена. Однако амулет она унесла с собой, а вскоре после её ухода появилась служанка с кофейником и рассыпчатым печеньем. Помнит Долгорукова о двух моих слабостях – кофе и сладком.

Не успел я приговорить чашку, как появилась Мария и, присев за чайным столиком напротив меня, выложила на стол мой амулет. Я взял его и убедился в том, что он заполнен до краёв. Судя по достаточно длительному её отсутствию, она не воспользовалась для его заполнения другими камнями, а попросила об услуге дворян, находившихся в усадьбе.

Никто из князей и бояр не станет делать ставку только на боевых холопов, поэтому в усадьбе или во дворце непременно присутствуют одарённые. С чем я лично был полностью согласен. Единственно на месте родовитого дворянства я всё же не стал бы экономить на защите своих вассалов, разумеется, при наличии такой возможности.

– Благодарю, Мария Ивановна, я ваш должник.

– Мария, – устало вздохнула она.

– Опять за рыбу деньги, – покачал я головой.

– Ты неисправим. Ну да, и мне терпения не занимать. Но про то, что должник, это ты зря сказал, – поёрзав немного и потянувшись к кофейнику, задорно произнесла она.

– Я вам дважды жизнь спас, – напомнил я, поспешно от-

рабатывая назад.

– Это другое, – беззаботно отмахнулась она.

– И чем же я могу быть полезным вашему высочеству?

– Во-первых, я хочу приобрести себе такие же двуствольные пистолеты и карабин, как и у тебя, – сделав глоток кофе, загнула она пальчик и тут же спохватилась. – Ты не подумай, не бесплатно.

– А в чём проблема? Обратитесь к мастеру Дудину, он легко выполнит ваш заказ вне очереди, – пожал я плечами.

– Обращалась. Он сказал, что карабин, как у тебя, выполнить не составит труда, но такой же убойности добиться не получится, потому что ты используешь особую пулю.

– Всё верно. Так-то моё ружьё по убойности ничем не отличается от обычной фузеи. Но со стреловидными пулями уже совсем другое дело. Вот только если делать ставку на неё, то тогда мне же придётся вам ещё и пули предоставить, каждая из которых штучная работа. Вот уж увольте меня от радости снабжать вас боевым припасом. Тут и себе-то устаю делать. Поэтому советую вам двуствольный штуцер.

– У него убойность вдвое слабее.

– Зато с боеприпасами никаких трудностей, достаточно иметь при себе соответствующую пулелейку. Я серьёзно.

– Ладно, убедил. Тогда вторая просьба. Не мог бы ты до моего отбытия в корпус сопровождать меня. Это только на месяц.

– Но компань...

– Новых компаньонов мне назначил батюшка, – перебила она меня. – Я имею в виду не это, а сопровождение в качестве друга. Ну или не друга, а...

– Вам страшно, – понял я.

Мария отвела взгляд, взяла чашку и отпила глоток терпкого напитка. Медленно поставила её на блюдце и всё так же, не поднимая головы, ответила:

– Страшно, – не стала она кривить душой.

– И вы думаете, что от меня будет больше толку, чем от подготовленных воинов?

– В прошлый раз их хватило только на то, чтобы умереть, – горько улыбнулась она.

– Это всего лишь от отсутствия должной защиты.

– И всё же.

– Я не могу неотступно находиться подле вас, Мария Ивановна. Я, конечно, должник, но-о...

– Только на выездах. Мне нужно нанести два визита вне Воронежа.

– Хорошо, – согласился я. – А теперь простите, мне пора.

Я поднялся и, обозначив короткий поклон, направился на выход. Вот, спрашивается, какого лешего я вообще сюда припёрся? Ведь мог же обойтись без её помощи. Пусть это и заняло бы три-четыре дня, ничего страшного, управился бы, благо знаю, к кому обратиться.

Пётр, а это случайно не из желания встретиться с великой княжной? При этой мысли я натурально нахмурился, силясь

понять свои мотивы. На первое место выходила убывающая луна, и, как вариант, с каждым днём подспорье от неё сходит на нет. Второе, это охвативший меня зуд нетерпения от желания проверить правоту моих предположений.

Было ещё и третье, и четвёртое, и по всему выходило, что пришедшая мне в голову мысль полный бред. Просто я оказался в цейтноте, и коль скоро могу сэкономить время, то не воспользоваться такой возможностью попросту глупо. А то, что согласился сопровождать её на выездах...

Вообще-то, она мне реально помогла с Лизой. Если бы не её «Панцирь», то Седов прихлопнул бы меня, и глазом не моргнув. А ещё тот татарин одарённый своим «Копьём» прошил бы, словно бумажного. И вот этот бриллиант у меня, по сути, благодаря тому, что я смог выжить. Спас её на московском тракте? Ну, там мне и вовсе ничего не угрожало, я даже не запыхался. Так что грех не отплатить за добро...

На место я прибыл незадолго до вечерних сумерек. Кстати, торопиться особых причин не было, и времени вполне достало, чтобы выспаться, нормально поесть, ну и телом отдохнуть. А то, сколько дней уже то бегаю как конь, то в седле, ночи бессонные, дни суетные. Не железный же я, в самом-то деле. Стыдно признаться, но где-то даже уже и соскучился по пылкой Любаве, которая однозначно мне обрадуется. Если не мне лично, так щедрой плате, я ведь жадностью никогда не отличался.

Воспользовавшись светлым временем, загодя прорисовал

конструкт с внесёнными изменениями и дополнениями. Теперь оставалось только устроиться в центре и напитать его Силой. Заняться нечем. Костёр разводить я не пожелал, ложиться отдыхать и не подумаю, не хватало ещё оказаться застигнутым во сне. Поэтому просто набрался терпения и стал ждать полуночи...

Наконец настал момент истины, и я сел в центре звезды, скрестив ноги по-турецки. Ну, будь у меня табурет или стул, я предпочёл бы их, но в отсутствии гербовой пишуток на простой. К слову, в изнанке я устраиваюсь в такой же позе, потому что там вообще ничего нет.

Едва я залил плетение Силой, как оно тут же засветилось слабым зеленоватым свечением, а у меня появилось ощущение, словно через моё тело протекает тёплый ручеёк. Не удар, когда меня накрыло выбросом, а эдакая лёгкая эйфория. Я тут же скользнул в изнанку, сразу оказавшись внутри своего вместилища, как во время медитаций по работе с ним.

В принципе, тут ничего сложного. Нужно принять удобную позу, закрыть глаза и сосредоточиться на вместилище, пытаясь толкать и растягивать его изнутри. При этом необходимо всё время прислушиваться к оболочке, выискивая поддающиеся места, на которых и стоит сосредоточить усилия. Ну и тянуть Силу через каналы, которые растут пропорционально росту самого вместилища.

Если верить описаниям в дневниках Седова, при употреб-

лении желчи волколака картина значительно отличается. Каналы сразу же многократно увеличиваются, и тянуть Силу получается значительно проще, присутствует даже незначительное давление изнутри, а стенки вместилища становятся более эластичными. Как результат, прокачка облегчается в разы.

Каналы остаются расширенными на протяжении месяца. По прошествии этого срока они сужаются соразмерно подросшему за это время вместилищу. Надо признать, в моём случае такого соответствия не наблюдалось и близко. Поэтому и заполняется оно гораздо дольше, чем у других.

Но сейчас я наблюдал совершенно иную картину. Мне не было необходимости прикладывать какие-либо усилия от слова совсем. Поток Силы извне давил так, что мои старания на этом фоне оставались бы вообще незамеченными. Пример про бабочку на чашах весов вообще не в тему. Мои потуги просто не имели значения.

При этом большая часть Энергии, конечно же, терялась впустую, но и того, что работало, было не так чтобы и мало. Мои вялые ниточки, которые язык не поворачивался назвать каналами, увеличились в сечении и теперь выглядели куда более впечатляюще, чем у батюшки.

Был ещё такой момент, я ощущал, как увеличивается в размерах моё вместилище, и присутствовало стойкое убеждение, что назад уже не отыграется, чего не сказать о каналах. Довольно скоро это предположение подтвердилось.

Я пропускал через себя поток примерно с час, пока скопившаяся в кармане Сила не иссякла полностью. С исчезновением давления сузились и каналы, и хотя они всё так же напоминали собой трепещущие ниточки, я точно знал, что в сечении они немного прибавили. Соответственно слегка подросла и их пропускная способность, что не могло не радовать, так как увеличится и эффективность моих медитаций.

Понятно, что достижение довольно скромное. Но ведь всё познаётся в сравнении. Если взять среднестатистического одарённого, то смех, да и только, а вот в моём случае я за одну медитацию отыграл порядка полугода. И дальше сроки прокачки вместилища сократятся. Ненамного, но ситуация всё же изменилась в лучшую сторону. И если продолжить двигаться в этом направлении, глядишь, ещё и потенциал прибавит.

А вот карман полностью опустел, и теперь я его не чувствовал. Значит, потребуется минимум месяц, чтобы он вновь заполнился, и процедуру можно будет повторить. Зато амулет порадовал, оказавшись напитанным Силой под завязку. Хорошо, что это произошло само собой, а то я как-то даже не подумал о том, чтобы попробовать его заправить.

Итак, это работает. Не столь эффективно, как желчь, но всё же работает. Хотя стоп! Какого хрена! Это лучше желчи! Однозначно! После неё пропускная способность каналов вырастает соответственно росту вместилища, то есть соот-

ношение остаётся прежним. А при новом подходе увеличиваются и сами каналы, и эффект остаётся навсегда. Так что я однозначно получаюсь в выигрыше. Пока незначительном, но это только начало.

Глава 4

Я открыл глаза и сладко потянулся. Сопровождать княжну оказалось делом хлопотным. Первая же наша поездка вышла не такой уж и близкой. Я-то полагал, что она захочет навестить кого-то из бояр княжества, выказать, так сказать, внимание, её же понесло в Спасск в Рязанском княжестве в гости к своей подруге по корпусу. А это почти триста пятьдесят вёрст, да по пыльным дорогам, даже с учётом выносливости местных лошадей трое суток пути.

И это ещё быстро. Мы-то с великой княжной и охраной двигались верхами, но наши вещи и её служанка в карете. А скорость каравана, как известно, определяет самый медленный транспорт. Так что за время путешествия я устал и теперь наслаждался отдыхом в постели с белоснежными простынями. Всё же придорожный постоялый двор по сервису и комфорту не сравнится с гостиницей.

Сон слетел, как и не бывало, отлёживать бока никакого желания, поэтому я рывком сел на постели, вновь потянулся и, отбросив одеяло, встал, сунув ноги в тапочки.

– Илюха, ты где, бездельник? – бодрым голосом позвал я.

– Чего это бездельник, – послышалось из соседней комнаты, а следом появился и он сам. – Я уж успел всю твою одежду перегладить да грязное в стирку отдать.

– Умываться, – распорядился я.

Ага. Это тебе не дома и не в съёмной квартире, ни крана, ни раковины тут нет и в помине. Таз, кувшин с широким горлом и помощь прислуги. Вообще-то, если бы не Илюха, то помогала бы мне служанка. Хорошенькая, между прочим, отчего это действие было бы куда приятней.

– Говоришь, отдал в стирку и перегладил весь гардероб. Одобряю, – отфыркиваясь, произнёс я и продолжил: – Значит, и о моём задании не забыл?

– Рассказал я слугам местным про нашу охоту на оборотня и про то, что живут они де тут в глубинке, как у Христа за пазухой, то ли дело у нас на границе.

– И как успехи? – принимая от него полотенце и растираясь, поинтересовался я.

– Ясное дело как, у них тут всё круче варёных яиц и в отличие от нас, горемычных, у них за последние десять лет тут два таких случая было. Ну, я им про Волчью падь, а они мне, мол, когда это было, поди, и брехня всё, дедовы сказки, бабкины подсказки. А вот у них всё взаправду, и страху те волколаки навели столько, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

– Место знаешь?

– Назвали две деревеньки. Я ещё поспрашиваю у других, но сдаётся мне, что это не брехня, – ответил мой молочный братец.

– Узнай, обязательно узнай, и поподробней.

Совсем без помощника оно как-то неправильно. Опять

же, нельзя жить, никому не доверяя. Иное дело, что доверие может быть дозированным, так сказать, в части касающейся. Ну, ищу я места, где случались обращения в оборотней. А вот нахожу ли, и зачем мне это нужно, Илюху уже не касается.

Для чего мне это, объяснять не нужно. Каждое место Силы может многократно подстегнуть мой дар, и, как результат, я окажусь не таким уж бездарем. И при этом не нужно наступать себе на горло и глотать желчь. Не то чтобы я категорично настроен против этого. Признаться, если припрёт, то я на такое пойду без раздумий. Опять же, появилось стойкое желание владеть нормальным даром. Но коль скоро не подгорает и есть другой способ, то к чему крайности.

В Воронежском княжестве о других случаях обращения в оборотней мне выяснить ничего не удалось ни на уровне баек, ни в соборной библиотеке. Вот я и решил попробовать в соседних. Признаться, зол был несказанно, когда выяснилось, что придётся сопровождать великую княжну, но как оказалось, прикатил я сюда не зря. А если мест окажется два, так и вовсе джек-пот получается.

Я уже заканчивал одеваться, когда в дверь постучали, а из-за неё послышался голосок Дуняши, служанки великой княжны:

– Сударь, Мария Ивановна просит вас к завтраку.

– Иду, – громко ответил я.

Долгорукова предпочла остановиться со мной в гостини-

це, хотя подруга, боярышня Астафьева, и её родители настаивали на том, чтобы та поселилась в боярской усадьбе. Однако Мария пожелала сохранить для всех инкогнито, назвавшись просто однокашницей по кадетскому корпусу.

– Доброе утро, Пётр, – приветствовала меня великая княжна.

– Доброе утро, Мария Ивановна, – присаживаясь напротив неё, поздоровался я.

Инкогнито так инкогнито, поэтому я не титуловал её, ограничившись именем-отчеством, как, впрочем, и новые компаньоны, боевые холопы и слуги.

– Пётр, это будет выглядеть по меньшей мере странно, если я буду называть тебя по имени, а ты меня по батюшке, – заметила она.

– А это ваши трудности, Мария Ивановна, не я ведь хочу сохранить инкогнито.

– Не желаешь, чтобы другие знали, что я считаю тебя другом?

– Мне без разницы, кем вы меня считаете, я тот, кто я есть, и вы можете во многом полагаться на меня.

– Но не во всём? – склонив головку набок, уточнила она.

– Не во всём, – подтвердил я.

– Поэтому ты не желаешь быть моим другом?

– Это всего лишь одна из причин, – возразил я.

Ну вот сколько можно одно и то же и про то же. Упёртая девица, не отнять. Ну да, и я не пальцем делан, меня на кри-

вой не объедешь. Пусть сама разбирается со своими заморочками. Нет, я, конечно, не смогу просто отвернуться, но и помогу, как говорится, – только в части касающейся.

– Ох и упрямый ты.

– Чья бы корова мычала, Мария Ивановна.

– И дерзкий.

– Прошу прощения, ваше...

– Стоп! Я всё поняла, Пётр Анисимович, – выставив руку в останавливающем жесте, поспешно перебила она меня.

– Приятного аппетита, Мария Ивановна.

– Приятного аппетита, Пётр Анисимович, – с язвинкой пожелала мне великая княжна.

Трактир при гостинице небольшой, рассчитан только на постояльцев, а потому посторонних тут нет, что, признаться, радовало. Хм. И судя по запахам, высокая цена за постой того стоила, потому как готовить тут умели. Убеждаясь в этом, я отправил в рот первую ложку каши, буквально растаявшую на языке.

– Боярин Астафьев сегодня даёт бал, и мы в списке приглашённых. Так что готовьтесь, сударь, к тому, что вас станут атаковать спасские красавицы, а там соберётся весь цвет города, – прожевав очередную порцию с не меньшим аппетитом, чем я, поставила меня в известность Долгорукова.

– Мне опасаться нечего. Тут ведь нет воронежских младших дочерей, родители которых рассчитывают на милость князя Долгорукова. А потому я никому не интересен, – по-

жав плечами, безразличным тоном ответил я.

– Ой ли? А как же ореол героя, дважды спасшего дочь князя Воронежского? Вы действительно полагаете, что кто-то поверит в то, что какой-то там поскрёбыш кладёт убийц из одарённых пачками? Да даже если мы во всеуслышание заявим об этом, то никого не убедим.

– Люди всегда охотно верят в то, во что им хочется верить, и убедить их в обратном можно, только предоставив железные доказательства, – хмыкнул я.

– Вот именно, Пётр Анисимович, – победно ткнула она в меня ложкой.

– Но с другой стороны, Мария Ивановна, предупреждён, значит вооружён.

– И что вы задумали?

– Лучшая оборона это нападение.

– Звучит угрожающе. Не поделитесь планами? – Она чуть подалась вперёд, нависая грудью над миской с кашей.

– Обождите до вечера и увидите, – заговорщицки подмигнул я.

Усадьба боярина Астафьева не выделялась каким-либо особым архитектурным стилем. Я бы даже назвал её типовой. Разве только размерами она тянула на самый настоящий дворец. Подъездная дорожка к парадному крыльцу с колоннадой, огибающая фонтан, вымощена брусчаткой. Сам дом двухэтажный по центру с одноэтажными крыльями. Судя по окнам, потолки высотой не меньше двух с половиной сажен.

Кареты с гостями прибывали одна за другой с незначительными интервалами. Признаться, я даже полагал, что на подъезде к воротам, а то и во дворе может случиться затор. Но как ни странно, ничего подобного не происходило. Возницы справлялись со своими обязанностями на ять.

Едва войдя в просторный вестибюль, я взглянул на потолок, убедившись в правоте моих выводов. Две с половиной сажени, посередине большая люстра с натыканными в несколько рядов свечами, такого монстра в меньшем пространстве попросту не разместить.

Один слуга принял у меня шпагу и мурмолку, Мария передала шляпку и зонтик, к слову, в котором пряталось тонкое жало шпаги. Второй лакей указал нам влево, где за высокой двустворчатой дверью располагалась гостиная.

Ну что сказать, Астафьевы не только родовиты, но и богаты, чему свидетельствуют размеры и убранство этого помещения. От золота просто рябит в глазах. Вдоль стен расставлены диванчики и уголки со столиками, а сами стены забраны искусно сотканными шпалерами с замысловатыми сюжетами. Несколько грамотно установленных зеркал отражают свет свечей, усиливая его и наполняя пространство уютом.

Посередине стоит фуршетный стол, на котором в несколько ярусов выставлены сладости, канапе, прохладительные напитки, мороженое и, разумеется, вина различных марок. С одной стороны, оно вроде как не еда, но с другой, ассорти

тимент постоянно восполняется, и для того, чтобы заморить червячка, более чем достаточно. Впрочем, это ведь не званый обед, и гости прибыли сюда вовсе не для того, чтобы поесть.

Но как не представительно помещение, и как бы ни манили диванчики присесть на них, а обильный фуршетный стол непременно попробовать яства, помещение это сейчас пустовало. Слуга указал нам на распахнутую дверь уже справа, откуда доносились приглушенные голоса. Ага, сначала полагалось засвидетельствовать своё почтение хозяевам дома, собраться всем вместе в бальном зале. Когда минует назначенный в приглашении час, распорядитель бала объявит первый танец, только тогда приглашённые разбредутся по интересам.

Как правило, зрелые дамы займут места на диванчиках и в креслах, расставленных вдоль стен, приглядывая за своими чадами, дабы не натворили глупостей. Ну и, конечно же, высматривая для них пары. Мужчины по большей части разойдутся для своих бесед, оккупируя гостиную, библиотеку, бильярдную или карточную. В каждой усадьбе непременно найдётся комната, где стоит стол, покрытый зелёным сукном.

А вот задача молодёжи танцевать, танцевать и ещё раз танцевать. Старшие участвуют в этом процессе по желанию, что для молодых является роскошью. Таковы требования этикета. Мало того, ещё и иметь постное лицо считалось верхом

неприличия. Как бы тебе не было муторно, на балу ты должен излучать веселье и задор, а иначе тебе тут лучше и не появляться вовсе.

Мы подошли к чете Астафьевых и представились. Я приложился к ручке хозяйки, она одарила меня радушной улыбкой. Впрочем, основное её внимание сосредоточено не на мне, а на великой княжне. Причём взирает так, словно будущая свекровь присматривается к желанной невестке.

В подтверждение моих мыслей к нам подошёл молодой бравый гвардейский драгунский подпоручик, которого родители представили как своего среднего сына, Астафьева Кирилла Дмитриевича. А красавец! Эдакий рослый, плечистый, русоволосый, голубоглазый, с правильными чертами лица и чувственными губами. Смерть красоток, да и только.

– Анна мне много рассказывала о вас, Кирилл Дмитриевич. Но вот встретиться довелось только сейчас, хотя и служим оба в Москве, – произнесла Мария после того, как нас представили.

– Не знал, что у моей сестрицы столь прекрасная подруга, иначе непременно изыскал бы возможность повстречаться с вами, хотя служба и отнимает всё моё время. А теперь и вообще не случится встретиться ещё как минимум год, – с эдаким лёгким пренебрежением произнёс он.

Позёр, прости господи. Ещё и перстень с указанием четвёртого ранга напялил павлин надутый. Для его возраста это куда как солидно и указывает на потенциал повыше, чем у

Долгоруковой. Что он всячески и старается продемонстрировать, невзначай поправляя горжет и поглаживая пальцем тонкие усики.

– И что же может нам помешать встретиться? – скорее из любезности, чем реально интересуясь, спросила она.

– Я отслужил год после корпуса в полку и теперь отправляюсь на Кавказ. Обычная практика для гвардейских офицеров. – И вновь это пренебрежение, а скорее даже и бравада.

Есть такое дело. Гвардейские офицеры непременно должны были приобрести боевой опыт, без этого нечего и мечтать о карьере. Годы идут, а по выслуге подходит время получения следующих чинов, и отслуживший в горячих точках имел преимущество перед паркетными шаркунами. Гвардейский поручик, не участвовавший в боях, это нонсенс. Но прежде чем отправиться за соответствующей записью в формулярный список, требовалось минимум год отслужить в своём полку.

– Рада за вас. Надеюсь, через два года там не выйдет ещё замирения, и я успею сойтись в схватке с горцами, – ответила Долгорукова.

– Два года? Вы не намерены служить в гвардии? – искренне удивился он.

– Полагаю, что служба в обычном линейном полку мне пойдёт на пользу. Ну, вот вы гвардейский офицер, но в результате командируетесь на Кавказ. К чему терять целый год, если можно сделать это сразу.

– Понимаю вас, хотя и не одобряю. Гвардия это элита русского воинства, и большая честь быть причастным к её рядам.

– Я непременно подумаю над вашими словами, Кирилл Дмитриевич.

– О, что вы, я не смею давать вам советы, Мария Ивановна, это всего лишь моё мнение. Кстати, вы позволите пригласить вас на танец?

– Вам повезло, у меня пока расписаны только три танца с моим спутником. – Она кивком указала в мою сторону.

Я, улыбнувшись, изобразил лёгкий поклон. Таковы правила этикета, кавалер, сопроводивший девицу или даму на бал, должен был протанцевать с ней минимум три танца. Хотя она и не могла обещать ему все, подобное дозволялось только обручённым, но даже в этом случае так поступали только редкостные ревнивцы.

– Мария Ивановна, что-то мне подсказывает, что это не мне следует опасаться натиска потенциальных невест, а вам чрезмерного внимания охотников на вашу руку и сердце, – провожая взглядом очередного кавалера, застолбившего мазурку, произнёс я.

– Похоже, моё инкогнито это секрет Полишинеля, – пряча улыбку под веером, произнесла Мария.

– А вы разве в этом сомневались?

– Ну-у, скажем так, имелась слабая надежда.

Наконец в центр зала вышел распорядитель бала и объ-

явил первый танец. Я не боялся ударить в грязь лицом, потому что умел танцевать. Тут и уроки дома, и наши сельские балы, и моя абсолютная память мне в помощь. Я схватывал все па буквально на лету, а после пары-тройки медленных и плавных повторений вгонял их себе в подкорку раз и навсегда.

Я предложил моей партнёрше правую руку, она положила на неё свою левую, и мы направились к центру зала. Были перехвачены распорядителем бала, который мгновенно определил нам наше место. Едва управившись с нами и парой фраз пояснив, что именно нам надлежит делать, он скользнул в сторону. Походя расставил сразу две пары и двинулся дальше, порхая по паркету с лёгкостью и стремительностью бабочки.

Ему потребовалось не больше четверти минуты, чтобы расставить по местам более пятидесяти пар. Хотя, справедливости ради, он имел дело не с новичками, и участники танца в принципе знали, что именно от них требуется, оставалось лишь получить уточнение. Многие и сами безошибочно занимали свои места.

Я заметил трёх возбуждённо-радостных дебютанток. Девчушкам всего-то по шестнадцать, и это их первый бал. Стоит ли говорить о том, сколь значим для них первый выход в свет. Но, несмотря на их взволнованность, как раз они-то ошибок и не допустили, потому что были сосредоточены и внимательны настолько, что вели своих более опытных ка-

валеров. Наверняка родные или двоюродные братья, в новом веянии кузены. От корней Россия-матушка вроде бы и не отрывается, но и нахвататься у запада успела немало.

Наконец ударил оркестр, зал наполнился звуками полонеза, и пары пришли в движение. Не успели мы завершить первый круг, как распорядитель, оказавшись на пути первых пар, начал вносить изменения в рисунок танца. Вообще-то, это самый настоящий высший пилотаж. Он уподобился регулировщику, двигался плавно, стремительно и легко, перенаправляя потоки участников танца, разбивая пары и соединяя новые. Ещё круг и, вновь перетасовав колоду, он вернул всех партнёров друг к другу. Почти всех.

Ч-чёрт, всегда уважал настоящих профи! И этого паразита оценил по достоинству. Ну вот как такое возможно? Все пары восстановились, и только я оказался рядом с боярышней Астафьевой, а на руке её братца уже лежала рука Марии Ивановны. И ведь технически получается, что это был мой танец, так как начинали мы вместе, а уж что там получилось по воле распорядителя бала, это уже дело десятое. Вот молодцы! На ходу подмётки рвут!

Глава 5

– Чему вы улыбаетесь? – двигаясь со мной рука об руку в танце, спросила Астафьева-младшая.

– Восхищаюсь виртуозностью распорядителя, Анна Дмитриевна. Он так ловко сумел развести меня с Марией Ивановной, сведя её с вашим братом, что прямо любо-дорого.

– Просто случайность. Управляя столь большим числом танцующих, невозможно не ошибиться.

– Пусть так, – легко согласился я, чуть склонив голову в вежливом поклоне.

– Я вижу, вас это совершенно не задевает, – заметила она.

– С чего бы меня это должно задевать? – удивился я.

– Мне показалось, что вы по-особенному относитесь к Марии.

– Я? Да бог с вами. Просто подумайте, мелкопоместный дворянин, да к тому же бесталаный, и великая княжна, наследница российского престола. Только мне эта мысль кажется абсурдной?

Я всё же предпочёл не употреблять слово «поскрёбыш», граничащее с оскорблением, а обошёлся более нейтральным. В принципе это правда, но ведь и мои родители считались бесталанными, и вообще таких большинство. Так что слегка лукавил, это да.

– К тому же, если я не ошибаюсь, у её высочества имеется

воздыхатель, ваш однокашник боярич Тучин, – заметил я.

Мне доподлинно известно, что он её однокурсник и не оставляет попыток заполучить Марию. Ничего невозможного в таком браке нет. Да, она наследница престола, но это во все не означает, что её супруг должен быть непременно королевских или княжеских кровей. Достаточно, если он выходец из старинного дворянского рода минимум в седьмом поколении. Иное дело, когда большая разница в силе дара, это да, подобное неприемлемо.

– Вот только у неё он никаких иных чувств, кроме как раздражения, не вызывает, – хмыкнула Астафьева.

– А я, стало быть, вызываю, – слегка пожал плечами я, словно показывая абсурдность этой мысли.

– Ну, по меньшей мере о вас она вспоминает без негатива, называет другом и порой даже ставит в пример.

В этот момент новая фигура, заданная распорядителем бала, развела нас, и моей партнёршей стала статная и стройная дама хорошо за сорок, что никоим образом не отразилось на её внешности. Наоборот, она выглядела спелым, налившимся соком и на вид очень сладким плодом. Ага, балзаковский возраст это мой типаж. И уж тем паче, что местным женщинам благодаря дару получается куда дольше сохранять свежесть и привлекательность.

– Сударыня, – улыбнувшись, я изобразил кивком поклон.

– Сударь, – ответила мне она.

Я невольно залюбовался этой красавицей: смуглое лицо

с правильными чертами, мягкий и в то же время решительный, оценивающий взгляд. Полноватые губы, которые придавали её облику чувственности. Тёмные волосы уложены в затейливую причёску, не прижились в России парики, сбоку изысканная брошь с самоцветами и белым пёрышком. Грация и женственность, не отвести взор.

М-да. С благородными женщинами этой России всё неоднозначно. Вполне может случиться и так, что сейчас на моём предплечье лежит рука, отправившая к праотцам не одного врага. Увы и ах, но это вполне реально, и с парочкой таких валькирий я знаком довольно близко, а третья и вовсе является моей матерью. Как они при этом умудряются не терять свою женственность, для меня остаётся загадкой.

К чему это я? Да к тому, что вот эта незнакомка сразу приковала к себе мой взор. Не то чтобы я поплыл, но она целиком и полностью отвечала моему плану по обеспечению безопасности моей руки и сердца. Да-да, Мария оказалась совершенно права, и на меня посматривали как на желанную добычу. Предполагаю, что не столько из-за должника князя Долгорукова, сколько из-за внимания, оказываемого великой княжной.

В перерыве между танцами к нам подошёл Астафьев-младший и, испросив моего дозволения, пригласил Марию. И чего было спрашивать во второй-то раз? Ведь он уже значится в её бальной книжице.

Занятная вещица, между прочим. Эдакая программка,

где расписан весь репертуар и есть место для внесения имени того, кому обещан танец. Это позволяет избежать неразберихи и соблюсти приличия. А так же служит поводом для гордости девиц и дам.

Эти книжицы являются документальным подтверждением былой популярности их обладательниц. Впрочем, хватало и тех, кто, несмотря на возраст, продолжал пополнять свою коллекцию, складывая их в отдельную шкатулку, а то уже и ларец.

Кирилл застолбил за собой три танца с Долгоруковой, больше не позволяли приличия. Как нельзя было танцевать и с одной и той же партнёршей подряд. Но этот хитрец сумел извернуться, и так уж вышло, что сейчас будет танцевать с ней второй раз. Прохиндей. И ведь его не обвинить в неприличествующем поведении, всего лишь досадная промашка распорядителя бала. Ну да, с кем не бывает.

Едва сбавив с рук Марию, за которую, будучи её сопровождающим на балу, я, получается, как бы в ответе, направился в сторону той самой незнакомки бальзаковского возраста. При этом заметил на себе несколько едва ли не осуждающих взглядов матрон и молоденьких девушек, мимо которых проследовал.

Бал в самом начале, и я так подозреваю, если не проявлю свою заинтересованность, меня могут взять в оборот. А что ещё прикажете делать с таким телком? Послать-то проще простого, но не обижать кого-либо, не ссориться катего-

рически не хотелось. Поэтому я решил действовать на опережение.

– Сударыня, не имею чести быть вам представленным. Разрешите откомендоваться. Ярцев Пётр Анисимович, помещик Воронежского княжества.

Воспользовавшись тем, что она осталась одна, подошёл я к заинтересовавшей меня даме. При этом отвесил чётко выверенный поклон ровно настолько, чтобы он был учтивым, но не раболепным.

– Очень приятно, милостивый государь. Тульева Елена Митрофановна, – легонько кивнув, представилась она.

При этом в её глазах заплясали бесенята, и она окинула меня изучающим и в то же время пронизывающим взглядом. Чего греха таить, от которого мне стало слегка неуютно. Но не отступать же теперь, в самом-то деле. Оно и без того выглядит несколько забавно – мальчишка, у которого молоко на губах не обсохло, попёрся к зрелой и вполне состоявшейся даме. А на нас сейчас многие пялятся во все глаза, это я прекрасно вижу. Заняться им нечем. Но это ладно, к такому я готов, иначе не отсвечивал бы, а вот заднюю давать, как нашкодивший щенок, это уже ни в какие ворота.

– Пройдясь с вами в танце, мне захотелось вновь испытать тот краткий миг несказанного удовольствия от вашей близости.

– И что же вы предлагаете? – обмахиваясь веером и подбадривая меня игривой улыбкой, спросила она.

– Сударыня, позвольте мне иметь удовольствие пригласить вас на танец, – вновь поклонившись, произнёс я.

– Но как же быть, следующий танец мною уже обещан. Не так ли, Аркадий Давыдович? – сложив веер и принимая бокал вина, с досадой произнесла она.

Ч-чёрт! Слишком много народу, а потому я не видел эту парочку прежде, как не заметил и вот этого господина в мундире офицера Измайловского полка с горжетом майора на груди. Вступать в препирательства с будущим начальством не хотелось категорически, мало ли чем это аукнется в будущем.

В принципе я не позволил себе ничего особенного, но кто их знает, этих гвардейских, много о себе думающих павлинов. Воспримет ещё это как личный выпад. А потому пора предпринять тактическое отступление. Но сохранив лицо.

– Ярцев Пётр Анисимович, помещик Землянского уезда Воронежского княжества, – коротким кивком изобразив поклон, вновь представился я.

– Изотов Аркадий Давыдович, майор гвардейского Измайловского полка, – в свою очередь представился тот.

– Быть может, в вашем расписании всё же найдётся один свободный танец и для меня, сударыня? – вновь я обратился к даме.

И чего это майор вздёрнул брови? Неужели счёл меня чересчур назойливым? Э-э-э, дядя, полегче на поворотах! Это нормально, что подошедший кавалер не ретируется по пер-

вому требованию. Всё в рамках приличий.

А с этой-то красавицей чего творится? Даже не пригубив вино, вновь раскрыла веер и прикрыла лицо, только глазки наружу, в прищуре которых озорной блеск. Весело ей, а я уже и не знаю, во что вляпался.

– Эм-м, милостивый... – начал было майор вполне дружеским тоном.

– Аркадий Давыдович, не уступите ли вы свой танец Петру Анисимовичу? За вами ведь ещё два, и вы в любом случае не окажетесь в накладе.

– Рад вам служить, Елена Митрофановна, – после короткой паузы и быстрых переглядываний с дамой без намёка на неудовольствие ответил он.

Мне не могло показаться. А если и не уверен, то я могу перед внутренним взором вынуть эту картинку и рассмотреть под разными углами. В глазах Тульевой по-прежнему плясали озорные огоньки, и появилась просьба. Изотов же излучал недоумение, готовность служить и... Он как бы переспрашивал её взглядом, точно ли ему следует так поступить. А вот ко мне отношение совершенно ровное, как будто он и не гвардейский офицер, у которого увели даму из-под носа.

В этот момент в центре зала раздался задорный голос распорядителя бала, приглашающего пары на менюэт. И коль скоро вопрос с приглашением был решён, я без лишних слов подал даме правую руку. Та вновь окинула меня оцениваю-

щим взглядом, что-то там для себя решила и, передав свой бокал, из которого так и не отпила ни глотка, майору, положила мне на предплечье свою левую.

– Вам уже говорили, что вы весьма уверенный в себе молодой человек? – когда мы сблизились в танце, тихо произнесла она.

– Я всего лишь взял на себя смелость пригласить на танец красивую женщину. Не думал, что для этого нужна храбрость, – вставая на колени и подавая ей руку, ответил я.

Она вложила в неё свою и начала обходить вокруг, касаясь меня своими юбками. Я же осмелился и слегка сжал её пальцы. Нет, ну а что такого, сгорел забор, гори и хата! Пока ведь всё идёт нормально. Ну и что с того, что её сопровождает гвардейский майор, он ведь не выказал даже намёка на неудовольствие. В нём присутствовало только удивление и любопытство, да и оно было обращено вовсе не ко мне, а к моей партнёрше.

Похоже, я всё правильно сделал, потому что она ответила на моё пожатие. А ещё, так уж случилось, что я нащупал на безымянном пальце левой руки обручальное кольцо. Разводы тут отсутствуют как класс, а потому это могло означать только одно, она вдова. Ну что сказать, дамы её круга не прочь пойти на небольшие любовные приключения в определённых рамках приличий, тут нет ничего особенного. А уж у вдов воли в этом вопросе куда больше, хотя, конечно же, до вседозволенности не доходит...

– Сударь, я прошу прощения, вы позволите отвлечь вас на секунду.

– Слушаю вас, сударь, – с готовностью отозвался на моё обращение распорядитель бала.

– У меня к вам просьба, не могли бы в следующий раз, когда будете перетасовывать пары и разлучать меня с моей спутницей...

– Сударь... – возмутился было он.

– Я ничуть не в претензии, если боярич Астафьев таким образом пытается ухаживать за Марией Ивановной, – перебил его я. – Более того, одобряю его изобретательность и восхищаюсь той виртуозностью, с которой вы перетасовываете пары, как колоду карт. Но я раздражаюсь всякий раз, когда из меня делают дурака. Уверены, что поединок с взбалмошным юнцом добавит вам авторитета, и вас впредь станут приглашать для проведения столь значимых балов?

– Что вам угодно, милостивый государь? – явно не желая скандала, спросил он.

Не имеет значения, кто победит в поединке, он проиграет в любом случае. Так что выбор у него невелик.

– Как я уже говорил, у меня к вам просьба в следующем танце свести партнёршу боярича Астафьева не со мной, а с майором Изотовым, а меня поставить в пару с госпожой Тульевой.

– Хм. Вы уверены, милостивый государь?

– Разумеется, я уверен, сударь. А иначе к чему бы тогда

тратил ваше время.

– Хорошо, – после слегка затянувшейся паузы ответил он.

Вот интересно, что знает этот прохиндей, чего не знаю я? Ладно, с этим мы разберёмся после. А пока стоит поторопиться к великой княжне, так как этот танец за мной и опаздывать никак нельзя. Не хватало только, чтобы с началом музыки она осталась в одиночестве. Эдак ведь и обидеться может, всё же девица, и танцевать ей нравится.

– Сударыня, – протянул я Марии стакан с прохладным лимонадом.

– Благодарю, Пётр Анисимович, – приняла она напиток.

Утолив жажду, Долгорукова оставила стакан на подносе проходящего рядом слуги. Затем поклонилась двум молодым дамам, с которыми вела беседу, и, положив свою левую руку на моё правое предплечье, пошла рядом со мной, задавая направление лёгкими толчками и пожатиями. Браться за руки с дамами и девицами слишком интимный жест. Вне близких отношений подобное допускается только в двух случаях – первый, чтобы поцеловать ручку, и второй, в танце.

– Я гляжу, вас продолжает тянуть к дамам много старше, – идя со мной под руку, с ироничной улыбкой произнесла Долгорукова.

– О чём это вы? – слегка насторожился я.

Уж больно мне не понравился тон, которым она это сказала. Такое впечатление, что ей известно то, что неизвестно мне. Причём это чувство у меня возникло уже не впервые за

этот вечер. И вообще ощущение, словно я лицедействую на сцене, а остальные в роли зрителей. Я понимаю, что-то происходит. Вот только, несмотря на весь мой жизненный опыт, никак не могу понять, что именно.

– Всего лишь припомнила Эльвиру Анатольевну, а также ваших соседок по имению, кажется, Котова и Панова. Мне о них Лиза рассказывала, – с издёвкой произнесла Мария.

– Лизе стоило бы слегка укоротить язык, – недовольно заметил я.

– Ну, с сестрой вы разберётесь при встрече, а вот я сделала для себя вывод, что вам, Пётр Анисимович, нравятся зрелые женщины, – улыбнулась она.

– Признайтесь, Мария Ивановна, что вы в первую очередь посматриваете всё же не на своих сверстников, а на мужчин постарше, – вернул я ей шпильку.

– Полагаете, что победили в этой пикировке? – хмыкнула она.

– А вы полагаете, что проиграл? – улыбнувшись, изобразил я поклон.

– Посмотрим. Время всё расставит по своим местам, – многозначительно закончила она.

В этот момент из центра зала вновь раздался голос распорядителя, объявляющего следующий танец. Он каждый раз выдерживал паузы, дабы дать гостям время пообщаться и перевести дух. А иначе танцы из веселья превратятся в настоящую каторгу. Мария кивнула мне, предлагая занять наше

место.

Ну что сказать, не подкачал господин Косин. Он вновь мастерски перетасовал пары, причём так ловко, что Тульева сразу же оказалась моей партнёршей.

– Сударыня. – Я кивком изобразил поклон, беря её за руку.

– Сударь. – Она слегка сжала мои пальцы в ответ на моё пожатие.

Улыбаясь друг другу, мы прошли ещё один круг, после чего распорядитель вновь начал перенаправлять потоки танцующих. Причём делал это настолько ловко, что я в очередной раз восхитился его профессионализмом.

– Сама судьба сводит нас вместе, – заметил я, вновь беря Тульеву за руку после очередной перетасовки.

– Что-то мне подсказывает, что вы решили не полагаться на судьбу. Я видела, как вы разговаривали с Косиным. Не всякому распорядителю такое по силам, но он настоящий мастер своего дела, – приседая в реверансе в ответ на мой поклон, тихо произнесла она.

– Прошу простить мне мою хитрость, но что же мне делать, коль скоро я желаю с вами танцевать, но не имею такой возможности, так как все ваши танцы уже расписаны, – и не подумал оправдываться я, вновь предлагая ей руку, ну или всё же предплечье.

– Б-боже, милостивый государь, да к чему вам старуха? – хмыкнув и слегка пожав плечами, произнесла она. – Осмот-

ритесь вокруг, здесь в избытке молодых девиц, которые так и ждут, когда на них обратят внимание.

– Увы, я бесталанный. – Я вновь решил не акцентировать внимание на полной никчёмности моего дара.

– И что с того? Уж поверьте, тут хватает младших дочерей и их родителей, готовых породниться с другом Марии Ивановны.

Угу. А я о чём. Инкогнито Долгоруковой это секрет Полишинеля. Только и того, что её не титулуют и общаются чуть свободней, коль скоро она сама себя так позиционировала. Но с другой стороны, быть может, даже вот такой вид свободы для неё уже отдушина. Откуда мне знать, каково ей находиться под пристальным вниманием окружающих.

– Но в мои планы не входит жениться и даже задумываться над этим вопросом, – развернувшись на сто восемьдесят градусов и вновь предоставляя ей руку, на этот раз левую, возразил я.

– Вы находите меня легкодоступной? – Тульева бросила на меня недовольный взгляд.

Не сказать, что там зашкаливало возмущение, но некое разочарование по отношению ко мне присутствовало.

– Я нахожу вас дамой взрослой, самостоятельной и точно знающей, что именно ей нужно. А себя тем, кто имеет представление о потребностях женщины. Возможно, вы видите во мне молодого нахала, но уверяю вас, что разочарованы моим обществом вы не будете.

– Несколько самоуверенное утверждение, вы не находите? – смерив меня взглядом, в котором появились смешинки, заметила она.

– Как знать. Не попробовав, утверждать подобное с уверенностью нельзя, – чуть склонив голову, с хитринкой ответил я.

Танец завершился, и я проводил Тульеву туда, где она стояла в прошлый раз. Оставляя партнёршу в одиночестве дурной тон, и я подумал было, что мне предоставляется возможность поговорить с ней наедине. Но не успели мы продолжить беседу, как к нам подошёл майор Изотов, окинувший меня изучающим взглядом и многозначительно хмыкнувший. Я раскланялся и отправился восвояси.

Показалось, или Елена Митрофановна и впрямь была слегка раздосадована появлением офицера. Я вернул перед внутренним взором картинку, и на моих губах появилась довольная улыбка. Никакой ошибки, её явно расстроило то, что Изотов нарушил наше относительное уединение.

Глава 6

– Пётр Анисимович, Мария говорит, будто вы изобрели казнозарядные скорострельные штуцера и пистолеты, – спросила меня Астафьева, бросив короткий взгляд на подругу.

Я по очереди глянул на девушек и мысленно усмехнулся. Вообще-то, нет ничего удивительного в вопросе боярышни. Она ведь обучается в кадетском корпусе, и хочешь не хочешь, но ей придётся посвятить часть жизни армии. Так что интерес к продвинутым образцам оружия вполне оправдан. И не о том же ли не так давно интересовалась Долгорукова.

– Это правда, Анна Дмитриевна. Но пока их делается очень мало. Очередь у мастера Дудина расписана на год вперёд. Так что, если вы хотите его приобрести, придётся обождать.

– А можете поподробней рассказать об этих образцах?

Я коротко обрисовал общую схему и выдал тактико-технические характеристики, чем заинтересовал её ещё больше. Нет, всё же хватит Сергею Андреевичу топтаться на месте, пришла пора расширять производство и строить для начала небольшой заводик. И отсутствие под рукой металлургического производства этому ничуть не мешает. Завозить материалы не так чтобы и сложно.

– Хм. Весьма заманчиво. Я собираюсь немного погостить

у Марии, как раз и сделаю заказ. Мне пока не к спеху, а вот к выпуску хотелось бы уже иметь под рукой хороший комплект огнестрельного оружия, – произнесла Астафьева.

– Почему сразу после выпуска? Собираетесь на границу с Диким полем или на Кавказ? – спросил я.

– Да, вместе с Марией, – подтвердила Анна, обозначив лёгкий поклон в сторону подруги.

Хм. Странно как-то, ведь обычно стремятся в гвардию, а тут уже вторая говорит о том, что намерена служить в линейном полку. Астафьеву я ещё понять могу, она наверняка желает быть поближе к великой княжне. Но зачем это нужно Долгоруковой? Боевой опыт? Да не вопрос отслужить годик в гвардии да отправиться в командировку, те же яйца, только в профиль.

– Зачем это мне? – отпив глоток прохладного лимонада, переспросила Мария.

Анну увлекла с собой какая-то дама, а мы вновь остались одни. Боярич Астафьев и не думал отказываться от ухаживаний, хотя у него пока получалось и не очень. Но действовал умно, не давил слишком и финт с танцами больше не провоцировал, так, если только пересечься на одно или несколько па, и обществом не докучал. Сейчас держится в сторонке, время от времени бросая на её высочество заинтересованные взгляды. Не подобострастные, а эдакие оценивающие. Молодец, правильная тактика.

– Ну да. Мне откровенно интересно, чем вызвано желание

служить в линейной части, – подтвердил я и продолжил: – Даже на границе с Диким полем или на Кавказе по большей части это не схватки с татарами да черкесами, и огонь, струящийся по жилам, а скука гарнизонной службы.

– Я ведь говорила, отчего добиваюсь именно вашей дружбы. Так вот, в глухой гарнизон я стремлюсь за тем же. Я хочу найти друзей и соратников, тех, на кого смогу положиться, и тех, кто будет со мной не из-за моего положения. Война, опасность и скука обнажают человека, оставляя его без наносной шелухи.

– М-да, – не удержавшись, хмыкнул я.

– Считаете этот путь ошибочным?

– Отнюдь. Полагаю, что здоровое зерно в этом есть.

Ещё как считаю! Потому что сам подобное наблюдал не раз и не два. Но это я, взрослый мужик с четырьмя войнами за плечами. А вот как до такого додумалась девчушка девятнадцати лет от роду, мне совершенно не понятно. Похоже, её учат далеко не только рисовать и фехтовать, но есть и те, кто делится с ней жизненным опытом да даёт дельные советы.

В этот момент распорядитель объявил белый танец. Из двух дюжин, составляющих программу этого бала, таковых было четыре. И, конечно же, они не были расписаны в книжках дам, которым предоставлялась возможность самостоятельно выбрать себе партнёра. И горе тому, кто решится отказать пригласившей. Свет его не просто заклеит, но ещё и загрызёт.

Я потому и не отходил от Марии ни на шаг, чтобы та имела возможность пригласить меня без проволочек. Быть её кавалером я не мог по определению, к тому же не секрет, что я её друг, а потому никаких кривотолков это вызвать не должно. А вот если она кого-то пригласит, тут уж возможны варианты. Не танцевать? Не получится. Правила приличий и этикет требуют как раз обратного. Ну и мне это на руку, а то мало ли и впрямь найдётся какая претендентка.

Долгорукова чуть замешкалась, подзывая лакея с подносом, чтобы пристроить стакан с недопитым лимонадом. В этот момент к нам подошла Тульева и присела передо мной в реверансе. Брякнуть что-то типа «меня уже пригласили» или «этот господин танцует со мной», не получится. Что ни говори, а подобное было бы заметно. Бальных же книжек у мужчин попросту нет.

Я лишь коротко поклонился Марии в знак того, что вынужден оставить даму одну. Та ответила понимающим кивком, при этом мне отчего-то показалось, что ей ну о-очень весело. Опять намёки на мою склонность к зрелым женщинам? Или что-то другое? А то, как она обменялась поклонами с Еленой Митрофановной? Вот отчего я продолжаю думать о том, что являюсь участником какой-то игры, хотя и не понимаю, какой.

Поклонившись Тульевой, я предложил ей руку, и мы направились в центр зала. Мария недолго горевала по поводу моего предательства, тут же утешившись тем, что пригласи-

ла какого-то нескладного дворянина. Ну что сказать, хороший ход. Он и сам не решит, что сразил великую княжну своим неотразимым видом, и другие не станут делать никаких далеко идущих предположений.

– Удивлены? – идя со мной об руку, поинтересовалась Тульева.

– Признаться, да.

– Отчего же? Сомневаетесь в том, что можете заинтересовать взрослую женщину?

– О-о нет, в этом я ничуть не сомневаюсь. Более того, точно знаю, что интересую зрелых дам, и вовсе не из-за возобладания у них материнских чувств. Просто я видел, как в мою сторону посматривали молодые прелестницы, и Мария Ивановна взялась защитити меня от их посягательств, хотя и не преуспела в этом. И мне вот интересно, как могло случиться, что вы оказались рядом так вовремя, чтобы опередить даже её?

Загремела музыка, и мы пришли в движение. Ригодон довольно задорный танец, но он всё же парный, а потому было бы желание поговорить. Правда, приходилось время от времени прерываться, порой ожидая ответа, пока очередное па не сводило нас вместе. Но беседа всё же складывалась.

– Не только вы умеете играть в игры с распорядителем... – произнесла она, и мы разошлись в танце. – Подход к Косину и у меня имеется, чтобы организовать всё вовремя... – вновь бросила она, и мы опять отделились.

– Уверены, что нам есть смысл оставаться в зале? Может, прогуляемся в саду? – произнёс уже я, когда мы опять сошлись.

Вообще при таком бодром танце особо не поговоришь, к тому же нужно соблюдать приличия и постараться не быть услышанными другими. Не сказать, что разговаривали только мы, и я не особо разбирал суть бесед других пар, поэтому присутствовала надежда, что не поймут и нас. Впрочем, мне оно как-то параллельно, как и вдове особо париться не приходится.

– Как выйдете за ворота, поверните направо, я буду ждать вас в карете, – когда я сопровождал Тульеву к поджидающему её майору, произнесла она.

– Я не заставлю себя долго ждать, – заверил её я.

Сдав свою партнёршу с рук на руки, вернулся к Марии, которая смотрела на меня с плохо прикрытой иронией. И мне это нравилось всё меньше и меньше. Что же такого знает она, чего не знаю я.

– Это и есть ваше средство от охотниц на вашу руку и сердце? – поинтересовалась она.

– Не сказал бы, что я имел в виду именно Елену Митрофановну, н-но-о... – Я слегка развёл руками.

– Забавно, – произнесла Долгорукова.

– Может, всё же объясните, что происходит? – спросил я.

– Ничего не происходит, – пожалала она плечиками, подозвала лакея и на этот раз взяла бокал шампанского.

– Я собираюсь оставить вас на компаньонов и убыть с бала. Уверены, что не хотите ничего сказать, Мария Ивановна?

– Вы знаете, с кем так мило ворковали?

– Тульева Елена Митрофановна.

– Вдова боярина Тульева, – кивая, уточнила она.

Ага. Вот отчего на меня все косятся, а у меня появилось чувство, что я лицедействую перед зрителями. Родовитая знать это совсем не одно и то же, что и простые дворяне, пусть богатые и из древних родов. Белая кость, так сказать, среди голубых кровей. М-да. Звучит как-то...

– Боярыни устроены как-то иначе? – спросил я на грани приличий.

– О-о не-ет, наша сестра скроена одинаково. Искренне за вас рада, Пётр Анисимович, и желаю вам удачи, – как мне показалось, с толикой раздражения ответила она.

Вообще-то, нормальная реакция девицы, обществу которой предпочли свидание с другой, да ещё и старухой. Но было ещё что-то. Точно было. Неужели я по-прежнему не всё ещё понимаю?

– Сдаётся мне, что вы что-то недоговариваете, – не спрашивая, а утверждая, произнёс я.

– Пётр, ты мой друг и ты не можешь вот так бросить меня на растерзание этим... – перейдя на «ты», не договорила она и легонько кивнула вбок.

– Я вам не друг, Мария Ивановна, но видит бог, я вступил бы в драку с любым, кто стал бы угрожать вашей жизни.

Только тут вам ничего не угрожает.

– Вот так, значит?

– Значит, так.

– Ладно. Можешь идти. Очень надеюсь, что ты не пожалеешь о том, что бросил меня в лихую годину.

– Бросьте, Мария Ивановна, никому из присутствующих здесь не нужна ваша жизнь, только лишь рука и сердце. Но что-то мне подсказывает, что с этим вы с лёгкостью управитесь и без меня...

Сбегая с крыльца, я надел мурмолку и пошёл по подъездной дорожке в сторону ворот. По обочинам имелись невысокие чугунные столбики или всё же держатели с факелами. Те практически не давали света, но в достаточной мере обозначали створ, по которому надлежало двигаться каретам.

Нет, я вовсе не расслабился и не потерял бдительность. Но в то, что это засада, не то что поверить, а даже допустить подобное попросту невозможно. Уж больно сложная многоходовочка, даже если моему недоброжелателю известно о моей слабости в отношении зрелых дам. Слишком ненадёжно. Красивых женщин бальзаковского возраста на балу хватало, так что угадать, что меня заинтересует именно Тульева, невозможно. Да и не делала она ничего, чтобы меня привлечь, во всяком случае, до того, как я сам на неё не клюнул.

Выйдя за распахнутые ворота, охраняемые двумя боевыми холопами, я свернул вправо и двинулся вдоль кованой ограды. Дорогое удовольствие, так как металла в России про-

изводят всё ещё не так много, как хотелось бы.

Вообще у меня как-то мелькнула была мысль, что одарённые могли бы использовать Силу в доменных печах. Но потом я понял, что это попросту нереально, так как потребует слишком больших затрат Силы. Я даже не берусь предположить, о каких объёмах идет речь.

Забор закончился, улица слегка повернула вправо, и я увидел тёмный силуэт кареты. Луна уже практически сошла на нет, свет от звёзд сушие слёзы, а потому ничего толком и не разобрать. Всё же неплохо бы развить дар хоть до третьего ранга, когда становится доступным «Кошачье зрение». Для его активации требуется минимум три люма, а потому раньше на него банально не хватает разового лимита.

Рядом с каретой я заметил тёмную фигуру, по-видимому, слуга. Мне показалось, что веду себя уж слишком беспечно, и я потянул из петель метательные ножи. В этот момент мне в глаза ударил свет. Ну как ударил. Разумеется, это слишком громко сказано для фонаря, пусть и с зеркальным отражателем, но всё же с масляным фитилём. Однако на контрасте меня слегка ослепило. Да и находился я слишком близко.

Не отдавая себе отчёта, я на рефлексх скользнул в сторону, вгоняя себя в режим аватара. Моя реакция не понравилась неизвестному с фонарём, и тот, стараясь удержать меня в пятне света, потянул из-за пояса пистолет. С козел послышался звук взводимого курка, слева стремительно прибли-

жался ещё один. В голове промелькнула мысль о расслабившемся придурке, я за малым не метнул первый нож.

– Отставить! – послышался вроде и не громкий, но внятный и властный голос. – Пётр Анисимович, не стоит тыкать железом в моих людей. Это всего лишь недоразумение, Захар хотел убедиться, что это именно тот, кого мы ожидаем.

– Хм. Прошу меня простить, Елена Митрофановна, оно вышло как-то само собой, – ответил я, отмечая её командный голос.

Впрочем, чему тут удивляться, если женщина, отслужившая или продолжающая армейскую службу в России, не редкость, а скорее данность.

– У вас есть причины чего-то опасаться? – удивилась она.

Тем временем слуги, точнее, боевые холопы на время потеряли ко мне интерес, и фонарь стал светить не в лицо, а под ноги. Вот спасибо, потому что там обнаружилась небольшая застарелая лужица, которую я благополучно обошёл.

– Так уж вышло, что я кое-кому перешёл дорогу, и меня уже пытался достать наёмный убийца из одарённых, – приблизившись к открытой дверце кареты, произнёс я.

– Это из-за того, что вы дважды спасли великую княжну Долгорукову?

– Иной причины я не вижу, – наблюдая за тем, как слуга быстро раскладывает ступеньки в карету, ответил я.

Ждать приглашения я не стал, а сразу же влез внутрь, заставив женщину немного посторониться и подвинуться по

сиденью.

– А вы напористый мальчик, – заметила она.

Внутри было темно, но мне всё же удалось рассмотреть одобрительную улыбку на её губах. Или её дорисовало моё воображение, потому что в голосе точно присутствовали благосклонные нотки.

– Я, как и вы, точно знаю, чего хочу. И коль скоро наши желания совпадают, то не вижу причин придерживаться правил приличия более потребного.

Я подступился к ней, сминая юбки, обхватывая её талию и притягивая к себе. Боярыня, как и Рябова, обладала статным тренированным телом. Сквозь ткань и даже корсет я ощутил крепость напряжённых мышц. Однако длилось это не дольше мгновения, в следующее Тульева уже расслабилась, став мягкой и ласковой. Елена не испытывала сомнений, и впрямь зная, чего хочет, а потому мои губы без труда нашли её податливые уста.

Мы целовались страстно и самозабвенно, из горла женщины то и дело вырывались сладостные стоны. Ну и я, признаться, не сумел сдержать хладнокровие. Меня захлестнуло приятной волной, и я... Нет, не зарычал, скорее уж замычал. Умеет боярыня целоваться, что тут ещё сказать.

– Тихо-тихо-тихо, – оторвавшись от моих губ, жарко зашептала она мне в самое ухо, отчего я вздыбился ещё больше, хотя, казалось бы, уже и некуда. В висках пульсирует, голова поплыла, по спине пробежала волнующая дрожь, от-

чего я повёл плечами. И противоречивые чувства, с одной стороны, хочется избавиться от этих ощущений, с другой, чтобы они повторялись вновь и вновь.

Одновременно с этим я почувствовал, как моё правое запястье словно оказалось в тисках. В голове тут же возникло сравнение с Чёрной вдовой, которая, значительно превосходя самца по размерам и силе, убивает своего кавалера после спаривания. Впрочем, хватка тут же ослабла, и я почувствовал бархатное прикосновение нежных и ухоженных ручек.

Только теперь до меня вдруг дошло, что я уже взбил юбки и скользнул под них, нащупав панталоны. Нормально мне так снесло крышу. И ведь не мальчик. Да даже если и брать в расчёт только мою здешнюю жизнь, я уже успел изрядно вкусить греха. Но должен признать, никогда ещё не испытывал ничего подобного ни в прошлом, ни в настоящем.

– Не стоит так спешить, милый мальчик. Ведь за нами никто не гонится, и у нас вся ночь впереди. Не будем так-то уж горячиться и предаваться усладе прямо на дороге. Захар, трогай!

Она сжала в ладошках моё лицо и вновь потянулась к моим губам. А я и не дурак от такого отказываться, наоборот, впился в неё долгим требовательным поцелуем. И признать-ся, совершенно не уверен, смогу ли дотерпеть до конечного пункта назначения.

Глава 7

– Вот тут оно и случилось, – указав рукой в сторону выпаса, произнёс мужик.

Трава невысокая, поработали живые газонокосилки, так что поднялась всего-то на пядь¹, не выше. Местность в отличие от трёх других известных мне открытая. Там-то овраги да деревья, а тут выпас. Впрочем, даже несмотря на это, попасть под выброс Силы достаточно затруднительно, ведь он случается только в полнолуние, и лишь когда луна в зените, да и длится всего-то мгновение. А потому неудивительно, что жертвы случаются крайне редко.

– И как такое случилось? – спросил я сопровождавшего нас мужичка.

– Так Алексашка из Глуховки возвращался, красавица одна ему там приглянулась, вот и подался на гульбище. Только ему местные бока намяли да отправили восвояси, чтобы, значит, к их девкам не лез. А как побитый брёл по этому выпасу, так тут-то его беда и настигла, обратился оборотнем. Хоронился, как мог, да только звериное нутро всё одно наружу вылезло, и бед понаделал – мама не горюй.

– Понятно. Спасибо тебе, братец, – сунув ему четвертной, поблагодарил я.

¹ Пядь – 17,78 см. – Здесь и далее примеч. авт.

Перво-наперво я обследовал тропу, тянущуюся через выпас, потом начал нарезать полосы по паре сажен справа и слева от неё. Присутствовала надежда, что управлюсь за день, ведь если за десяток лет тропа и вильнула или сместилась, то ненамного. Увы, не срослось. Ничего-то я не обнаружил. Если карман есть, то я в любом случае должен был его почувствовать. Даже если у него в прошлое полнолуние случился выброс. После этого минуло уже больше двух недель, и какое-то количество Силы там должно скопиться.

Под вечер я с тоской посмотрел на выпас. Не меньше, а то и больше полусотни десятин, а мне придётся нарезать более ста двадцати вёрст. И ведь, как всегда, по закону подлости окажется, что я обнаружу искомое в самом конце.

М-да. Ну, насчёт закона подлости это я в самую точку. Только малость ошибся. Потому что к исходу третьего дня, прочесав весь выпас, да ещё пару-тройку раз вляпавшись в коровьи лепёшки, я так ничего и не обнаружил. Мало того, прошёлся ещё и по тропе в Глуховку, обследовав как её саму, так и обшарив довольно широкую полосу вдоль неё, хотя и пришлось продираться сквозь кусты. Ни-че-го.

– Может, и не было оборотня, – отпив из фляжки воды, произнёс я.

– Был, Пётр Анисимович. Не могло его не быть. Случилось это не так чтобы и давно. Опять же, Митрич говорит, что сам с другими деревенскими видел, как Алексашку во дворе корчило, когда он обращался. Да и бед он тут столько

наворотил, что народ по сию пору крестится. А вот место... Место, может, и не то. Мало ли как он брёл побитый-то. Если сильно прилетело, то там уж и дороги не разбираешь.

Я, конечно же, не рассказывал Илье всего. Он знал, что мне за каким-то лядом нужны места, где случались обращения в оборотней. Но понятия не имел, для чего именно. Риск? Есть такое дело, если узнают, то могут приписать мне намерение пойти по стопам Седова.

Не знаю плетений конструктора? Да ладно. Подвести человека в полнолуние раз, другой, третий, когда-то же нарыв прорвёт, и получите готового оборотня. А то и не одного, а сразу несколько. Вот сколько получится набить в контуры кармана, столько и будет. Это же не прокол, а выброс. Скорее всего, именно так разбойничья ватага и обратилась, если и не в полном составе, то уж несколько человек точно.

Но и совсем уж в одиночку не получается. А я, если кому и могу довериться, то молочному брату. К тому же своё чрезмерное любопытство он вроде как поумерил. Зато в сборе информации проявил недюжинные способности. Поначалу-то был увалень деревенский, но пообтесался в городе. Опять же, шуры-муры с бабами, причём не всегда за деньги, но и по любви повысили не только самооценку, но и придали уверенности в себе.

– Ч-чёрт. И какими тропами ходил этот Алексашка? – в сердцах выдал я, наблюдая околицу довольно большого села Глуховка в лучах клонящегося к закату солнца.

– Так, может, всё же брёл, куда глаза глядят? – предположил Илья.

– Скорее всего, так и было. И сдаётся мне, что мы это место не найдём. М-да. Жаль. Ладно, не всё коту масленица, поехали ко второму. Вдруг хоть там повезёт, – подытожил я.

– Там-то точно должны найти, потому как приметный камень имеется. Только место то дурное, и лучше бы людям не знать, что мы туда сунемся, не то пересуды пойдут, а тебе ведь этого не надо, – посчитал своим долгом напомнить Илья.

– Не дурак, помню. Илюха, вишь, малец гусей пасёт? Узнай у него, есть ли короткий путь на постоянный двор. Как-то неохота по дороге круги нарезать.

Молочный брат молча кивнул и дал шпоры лошади. Приближаться к селу желания никакого. Оно ведь неприлично заехать в чужие владения и не засвидетельствовать хозяину своё почтение, а время терять не хотелось.

Короткий путь имелся, причём заблудиться попросту нереально. Тропа поначалу вилась между деревьями и подлеском, затем ныряла в глубокий и протяжённый овраг. Именно огибая его, дорога и делала большой крюк. Выбравшись с другой стороны, мы оказались на очередном выпасе, сквозь который в вечерних сумерках практически как струна тянулась серая лента тропы. Ею пользовались для того, чтобы бегать или кататься верхом на почтовую станцию для отправки и получения писем и газет.

Дело к вечеру, а потому мы скакали быстрой рысью. Трофейные лошади оказались превосходными, с узорами высокого ранга, а потому без труда выдерживали скорость порядка пятидесяти вёрст в час.

Почувствовав что-то очень знакомое, но мимолётное, я потянул поводья, заставляя свою лошадь остановиться. Та недовольно захрипела, но послушно начала сбавлять ход, и нас догнал шлейф пыли. Мой живой транспорт заплясал на тропе, силясь понять, какого, собственно, понадобилось всаднику. А я с любопытством смотрел на тропу в обратном направлении.

Проскакавший чуть дальше Илья также остановил лошадь, но в отличие от меня тут же соскользнул на землю, уже выхватывая из-за спины ружьё и высматривая возможную опасность. Боец в седле из него посредственный, зато когда ноги не в стремях, а на твёрдой земле, может сильно удивить.

К слову, он единственный, кого я натаскал ещё и на приёмы из нижнего брейка. Причём получалось у него на уровне со мной, и это с моим-то режимом аватара. Когда же он обзавёлся ещё и узором «Ловкости», то и вовсе превратился в по-настоящему опасного противника. Во всяком случае, потеряв преимущество в неизвестных моему молочному брату приёмах, я с завидной регулярностью стал проигрывать ему рукопашные схватки.

– Что случилось, Шелест? – не обнаружив противника, не

удержался от выкрика Илья.

– Всё нормально, – успокоил я его.

Эдак легонько дал шпоры лошади, посылая её шагом обратно по тропе. Проехал с сотню шагов и остановился, удовлетворённо выдохнув. Не знаю, что потянуло Алексашку идти этим путём, далеко в стороне от Борисовки, куда он возвращался из Глуховки. Или это совершенно иное место, а он влетел в другом, хотя в это и слабо верится, но я нашёл-таки место Силы.

Ощущение такое, словно нарыв уже созрел и готов в любую минуту лопнуть. Не удивлюсь, если в это полнолуние, до которого пара недель, он и выплеснет из себя скопившуюся энергию. Не знаю, с чего такие выводы, но мне показалось неправильным дожидаться этого часа, а лучше провести обряд безотлагательно. В смысле не прямо сейчас.

– Нашёл? – спросил подъехавший Илья.

– Нашёл, брат. Не там, где искал, но нашёл.

– И чего теперь?

– Илюха...

– Я не про то, – тряхнув головой, перебил он. – Мне чего теперь делать-то? Пока искали, знал, а теперь-то чего?

– А дальше ничего. Запомню место и всё...

Уйти с постоянного двора скрытно от Илюхи не получится. Это нужно быть настоящим иллюзионистом. Но всё становится куда проще, если подпоить его маковым отваром. Когда я покидал нашу комнату, он спал, как младенец, разве

только пузыри не пускал.

Выбираться пришлось тайком, а потому от лошади я отказался. Впрочем, тут всего-то три версты, уж как-нибудь управлюсь. Потому и уходил налегке, даже из оружия с собой взял только метательные ножи и шпагу. Вообще-то, длинный клинок доставлял неудобства, пока вылезал из дома через окно второго этажа и перебирался через забор. Но он мне был нужен, чтобы нанести плетения конструкта. Палка не подойдёт, а ножом слишком неудобно и, как следствие, долго.

До места добежал быстро. Сейчас светает рано, а потому уже начали наползать предрассветные сумерки. Впрочем, я и рассчитывал прибыть сюда, когда хоть немного развиднеется. От неполной луны толку чуть да маленько, о звёздах лучше и не заикаться. В темноте же вычерчивать плетения конструкта, да ещё и не на песке, а в траве, занятие непростое.

Спасибо моей абсолютной памяти, отличному глазомеру, режиму аватара и умению ими пользоваться. Для начала мне пришлось соотнести масштаб кармана. В этот раз его радиус составил два аршина, одну пядь и три вершка. Впрочем, управился я, если не шутя, то без особых проблем.

Закончив с этим, я устроился в центре и с помощью моего «Панциря» активировал плетения. Они резво напитались Силой и проступили сквозь тёмную траву зеленоватым свечением, а я почувствовал уже знакомое течение через себя

тёплого ручейка энергии и лёгкую эйфорию. Ну что же, похоже, всё идёт, как надо, и я скользнул в изнанку.

Исходя из состояния кармана, уже практически готового к всплеску, я ожидал, что давление в этот раз будет куда сильнее, но ошибся. Оно было точно таким же, как и в прошлый раз. Разве только благодаря моей памяти я обратил внимание на то, что каналы всё же вздулись чуть больше...

Ощущение времени в изнанке не теряется, а потому получается не увлечься и контролировать своё нахождение здесь. Ну как не увлечься. Это, конечно же, зависит от одарённого, как в случае с тем же спиртным, либо ты пьёшь, зная меру, либо проявляешь самоуверенность, а после обвиняешь собутыльников, которые насрали тебе в штаны.

В прошлый раз для опустошения кармана одного часа оказалось вполне достаточно. Но вот он уже миновал, а Силы подо мной всё ещё в избытке, и поток не думает ослабевать. Он давит через ещё немного увеличившиеся каналы на вместилище изнутри, которое так же подросло. Последнее прибавило уже чуть больше первого раза, и процесс всё ещё продолжается.

Ну и как поступить? Выйти из изнанки, покинуть конструкт и дожидаться, пока карман не опустошится вхолостую? Хм. А вот не подписывает жаба. Да-да-да, я помню, что изначально не рассчитывал на дар и таки не забыл о том, как один бесталаннейший с нулевым рангом расправился с пятиранговым убийцей в Воронеже и двумя шестьюранговыми на Москов-

ском тракте. Но я помню и слова Марии, мол, скольких бы одарённых я озадачил, имей ещё и шестой ранг.

Да в конце-то концов! Нельзя же ставить знак равенства между всеми владеющими даром. Я ведь теперь точно знаю, что они используют усреднённые плетения и узоры, которые мне вполне по силам изменить благодаря индивидуальному подходу, серьёзно улучшив их свойства. Так отчего бы тогда и к работе с изнанкой не подходить персонально? Тем паче мне, имеющему прямую связь с единым информационным полем Земли.

К тому же сразу свихнуться не получится. Это как на наркоте с первого раза не подсядешь, хотя желание повторить, конечно же, появится. Получение удовольствия от нахождения в изнанке и появление вот этого самого желания вновь скользнуть в неё и есть первый признак того, что ты рискуешь подсесть на Силу.

Но я ведь трезво оцениваю своё состояние, и ни о каком удовольствии речь пока не идёт. Присутствует эдакая лёгкая эйфория, и только. С другой стороны, не испытываю усталости, так как вообще никак не участвую в росте вместимости.

Так-то обычно напрягаешься, обнаружишь податливую грань и толкаешь её изнутри, прикладывая максимум усилий. Достаточно тяжкое занятие, требующее существенных физических усилий, и не смотри, что происходит это в изнанке.

Но от меня сейчас требуется только одно, просто сидеть и

не рыпаться. Можно и вовсе выйти в обычный мир, только и того, что оставаться на месте, Сила сама обо всём позаботится.

Хм. Кстати! Вот не нужно находиться в изнанке, а значит, и индивидуальный подход тут ни при чём. Просто сидишь и ощущаешь, как сквозь тебя теплом струится энергия и слегка плывёт сознание. Наслаждением я это не назову, состояние какое-то странное, но ничего общего с удовольствием. Впрочем, станет ли меня тянуть в изнанку или нет, пойму после. А значит, тогда и подумаю, стоит ли продолжать рисковать или нет.

Вот оно, значит, как. В изнанке ты постоянно находишься в переливающемся свете всех цветов радуги, а в обычном мире уже полностью рассвело, хотя солнце ещё и не появилось из-за крон деревьев. Зато пастбище окутала дымка, это, конечно, не туман, что было бы предпочтительней, но видимость всё же ограничивает.

Ч-чёрт! Не хотелось бы оказаться обнаруженным при активированных плетениях. Как, впрочем, нет желания и вхолостую сбрасывать Силу. К тому же, даже если я покину конструкт, просто погасить его у меня не получится. Или получится, если нарушить его вязь? Вот только я понятия не имею, чем это чревато, и интуиция молчит, словно в рот воды набрала. Быть может, произойдёт резкий выброс. В прошлый раз, помнится, меня выключило, скорее всего, и сейчас не убьёт, вот только никакого желания проводить ка-

кие-либо эксперименты. Зато очень хочется выдоить карман до последней капли.

Поэтому я и сидел по-турецки на пятой точке, вслушиваясь в утреннюю тишину, нарушаемую пока лишь жаворонками да стрёкотом кузнечиков.

Переживал я напрасно. За оставшиеся два часа, пока «выдаивал» карман, так никто и не появился. Дымка развеялась уже через час, стоило только пригреть солнечным лучам. И весь второй я просидел как на иголках, всё время вертя головой по сторонам. Какое уж тут удовольствие от соприкосновения с потоком. Я скорее испытывал раздражение от того, что голова не совсем ясная, и сознание слегка плывёт. Очень уж мешает вслушиваться в окружающие звуки.

Но как бы то ни было, а меня всё же не обнаружили. Когда свечение окончательно погасло, я поднялся, прошёл на тропу и затёр вязь плетений, оставленных на утопанной земле. Ту, что была прочерчена в траве, я трогать не собирался, всё равно не видно. А вот саму примятую траву поднять попытался, для чего вооружился срезанной загодя и принесённой с собой веткой. Получилось не очень хорошо, но если не вынюхивать намеренно, да ещё и не зная, что именно собираешься обнаружить, то так ничего и не поймёшь.

Вообще-то, я тороплюсь, в любой момент может проснуться Илья. Но с другой стороны, незамеченным вернуться на постоянный двор не получится. Со временем я немного не подрасчитал, во дворе сейчас уже всю возится

народ. Впрочем, если особо не спешить, то можно пройти, не привлекая к себе внимания.

Коль скоро время в любом случае есть, то отчего бы не взглянуть, что там у меня получилось, а в том, что изменения произошли, сомнений никаких. Причём, оценивая длительность потока, они должны быть существенными. Я сошёл с тропы, вновь сел по-турецки и скользнул в изнанку.

Ох ты ж мать твою в перехлёст через колено! Да быть того не может! Ну, может или не может, однако факт остаётся фактом. Судя по объёму, которого достигло моё вместилище, я умудрился поднять свой дар до первого ранга. Вот только есть и ложка дёгтя в бочке мёда. Каналы ему не соответствуют, а значит, и использовать его в полной мере я не смогу.

В смысле, разовый лимит составит всё те же полагающиеся два люма, и мне теперь подвластно одно активное плетение и три пассивных. Но из-за недостаточной пропускной способности каналов откат у первого будет долгим, а вторые, не успевая восполнять потери, станут быстро выдыхаться.

Вот только всё это ерунда! Потому что ещё три часа назад картина была куда безрадостней. А главное, налицо положительная динамика, и каналы немного приблизились соответственно к объёму вместилища. Пусть всё ещё и в недостаточной мере, но провалиться мне на этом месте, если теперь мой потенциал не подрос с третьего ранга до четвёртого! Ну что тут сказать, передо мной открываются более чем заман-

чивые перспективы.

Остаётся только один вопрос – а стоит ли мне делать свои успехи достоянием общественности? Не знаю, не знаю. С одной стороны, оно вроде как и не хочется выпячиваться. Но с другой, если я скрою изменившуюся ситуацию с даром, то меня ждёт гвардии Измайловский полк.

И чёрт бы с ней, с муштрой, уж как-нибудь выдержу, а там и нормально пристроюсь. Армия для меня материя известная и небезынтересная. Но я ведь буду как на привязи, а у меня появилась возможность для быстрого развития дара. Уже через месяц можно будет вновь объехать известные мне два места Силы, и при регулярном их посещении вместилище и каналы будут расти только в путь.

Ну и зачем мне при таких раскладах армия? Скучная гражданская служба куда предпочтительней. М-да. Определяющее слово тут «скучная». Не уверен, что не взвою. Мне вообще в последнее время всё сложнее усидеть на пятой точке. Хотя, конечно, открывающиеся перспективы буквально вызывают к благоразумию. Надо думать.

Глава 8

Когда я подошёл к постоялому двору, там уже всюду суетился народ. Двое кучеров запрягали лошадей в почтовые кареты, направлявшиеся в противоположные стороны. Их пассажиры находились неподалёку, уже оправившись и готовы к посадке. Дворянин с сестрой проверяют подпруги у своих лошадей, сопровождающая их пара боевых холопов ожидает, когда господа будут готовы, ведя ленивую беседу.

Так что когда я вышел из-за створки распахнутых ворот и вошёл во двор, на меня никто не обратил внимания. Пройдя к крыльцу, поднялся на второй этаж к своей комнате и, только оказавшись перед дверью, понял, что она заперта на задвижку.

Впрочем, долго думать над тем, как попасть внутрь, мне не пришлось. На моё счастье изнутри послышалось шуршание металла, стук ручки об ограничитель, после чего дверь распахнулась, и передо мной предстал заспанный и всклокоченный Илья. Ну что сказать, сон под маковой настойкой здоровым не назовёшь. Вон и соображает туго.

– Доброе утро, Пётр Анисимович. Я это... Я живо. – И, вихляя задом, поспешил к лестнице.

Прижало, видать, спасу нет. Впрочем, чему тут удивляться, если Илюха птаха ранняя, а тут припозднился, и биологический будильник решил показать ему, насколько он не

прав.

Проводив молочного брата понимающей ухмылкой, я прошёл в комнату и начал собирать вещи. Когда Стукалов вернулся, я уже закончил со своим имуществом.

– А как это ты вышел, а задвижка оказалась запертой? – удивился он.

– Спать надо меньше, ленивая задница, тогда спросонья не будет мерещиться всякая всячина, – хмыкнув, покачал я головой.

– Так ведь я сам открыл задвижку.

– Уверен?

– Да вроде... Или только подумал... – неуверенно промямлил тот.

– Вещи собирай и дуй вниз, позднее утро уже, а мы ещё не завтракали.

Выехали примерно через час. Пока поели, пока обиходили лошадей. К этому времени все постояльцы благополучно разъехались. Что бывает далеко не всегда. Случается и отсутствие на станции свежих лошадей, а тогда приходится ждать. Если же попадётся на несколько путников со спешными подорожными, то подобные ожидания могут затянуться и на несколько суток...

– Дымок, держись позади и будь готов.

– Слушаюсь, Шелест, – привычно подобрался молочный брат, как делал это всегда при моём переходе на прозвище.

Дело не в том, что мне не нравится этот лес, в стене ко-

торого терялась серая лента дороги. Подобный подход у нас ко всем попадающимся на пути лесам, перелескам и рощам. Всякий раз при их пересечении мы держимся настороже, чтобы встретить опасность во всеоружии, буде таковая случится.

Именно поэтому я еду впереди, имея защиту «Панциря», а Дымок позади, так его шансы уцелеть увеличивались. До полной безопасности, конечно, далеко, но её вообще можно обрести лишь в гробу.

Двигались мы в прежнем темпе, перемежая резвую рысь с быстрым шагом. Снижать скорость я не видел смысла, так как дорога то и дело петляла по лесам, и если слишком уж осторожничать, то и путешествие изрядно затянется, чего категорически не хотелось.

Я как раз перешёл на рысь и уже успел разогнаться, когда поперёк дороги вдруг натянулась верёвка. Всё случилось настолько быстро, что среагировать я не успел и почувствовал, как она не больно надавила на грудь, и меня попросту выбросило из седла. Удара о землю не случилось, ну так, словно завалился на постель. «Панцирь» сработал должным образом, и я не пострадал, даже ружьё не выронил. Разве только амулет потерял какую-то часть своего заряда.

Грохнул нестройных залп шести фузей, и среди подлеска вспухли молочно-белые облачка, поплывшие вверх в полном безветрии. Впрочем, стрелки и не подумали стоять на месте, ринувшись к нам сквозь листву.

Вскидывать оружие времени не было, как, впрочем, и подниматься, поэтому я выстрелил, не целясь, прямо лёжа на спине. Мимо! Ружьё увесисто брыкнулось, отдачей его едва не вывернуло из рук. Поэтому второй раз стрелять из такого положения я не рискнул, запрокинул ноги, приподнявшись на плечи, резко выбросил их вперёд, увлекая за ними и тело.

Мгновение, и я стою в полуприсяде. До ближайшего нападающего с саблей в руке не больше пяти шагов. Я только и того, что успел довернуть ствол, направляя его на противника, и нажать на спуск. Снова выстрелил, не целясь, от пояса, но на этот раз ноги набегавшего на меня противника заплелись, и он рухнул на землю, проехавшись по прошлогодней листве прямо к моим сапогам.

Прогрохотали выстрелы Дымка. Краем глаза я заметил, что тот успел соскочить на землю и не пострадал. Отстрелялся резво, но в отличие от меня бил с колена, а потому оба выстрела оказались результативными. Отбросил ружьё и потянул пистолеты.

Я также схватился за короткоствол, но в этот момент в меня влетело «Ледяное копьё». Оно тут же истаяло, осыпавшись голубоватыми всполохами. Ого! А вот теперь я лишился практически десятой части заряда амулета! Нехило так он меня приложил. Похоже, вложился в плетение от души. Вот как-то сомнительно, что это сильный одарённый.

Оба заряда из пистолета в правой руке я израсходовал в очередного нападающего, уже сблизившегося со мной вплот-

ную. Его сабля сейчас представляла куда большую угрозу, чем плетения его хозяина или атамана, бог весть, кто это на меня напал. Первая пуля прошла мимо, и только вторая попала ему в грудь.

Пистолет в левой руке так же изрыгнул пламя и смертоносный свинец, но одарённый, как мне показалось, с лёгкостью разминулся со стреловидной пулей. Вторая тоже не нашла цель. В то время как у Дымка дела шли чуть лучше. Во всяком случае, израсходовав оставшиеся заряды, он сумел свалить очередного разбойника и схватиться с оставшимся в рукопашной.

Одарённый не остался в стороне, сближаясь со мной со шпагой наперевес. Я бросил в него разряженные пистолеты, сумев ненадолго отвлечь. Этого времени мне достало, чтобы выхватить клинок и встретить первый выпад, будучи уже во всеоружии.

М-да. Вообще-то, как выяснилось, всего лишь со шпагой в руке, благодаря чему мне едва-едва удалось отбить первую атаку. А дальше неизвестный начал меня давить, причём так, что я с трудом отбивался, да и то за счёт постоянного отступления. Вот только глухая оборона до добра не доведёт, а перейти в контратаку не было никакой возможности.

– И что у нас за амулет, милостивый государь? Один карат? Больше? – чуть сбавив напор, с издёвкой заговорил нападающий. – Я думал поживиться отличным оружием, хорошими лошадьми и кошельком, но, похоже, мне улыбнулась

удача.

– Уверен, что потянешь? – сам удивляясь своему спокойствию, спросил я.

– Полагаете, что этого не случится? – в свою очередь злобно спросил он.

После чего последовала стремительная атака, и мне едва удалось разминуться со смертоносным жалом, скользнувшим у самого основания шеи. Обоюдоострый клинок взрезал ворот моего кафтана и добрался-таки до тела, хотя лёгкий порез раной и не назвать, тем не менее тревожный звоночек.

– Ого. А «Кольчуги» у вас нет, милостивый государь. Непредусмотрительно с вашей стороны.

Вообще-то, кольчуга есть, но она стальная и в виде майки. Чего достаточно для защиты от ножа и скользящих ударов шпаги, но клинок прошёл в стороне. А на плетение я пока ещё рангом не вышел, для его активации необходим как минимум третий.

От этой мысли, пролетевшей в голове, словно пуля, я попросту отмахнулся. Если я срочно не изменю рисунок боя и не воспользуюсь своими сильными сторонами, он меня раскатает. Причём скорее рано, чем поздно.

Нет, я не забыл уроков матушки и Эльвиры Анатольевны. Они сидели во мне на уровне рефлексов, и имелась достаточно богатая практика, пусть и тренировочных боёв. Однако банально недоставало скорости и реакции. Иными словами,

сказывалось преимущество противника в плетениях «Ловкости» и «Быстроты». Он даже пущенные в дело два металлических ножа походя отбил ладонью.

Я перекинул шпагу в левую руку, на что неизвестный лишь злорадно усмехнулся и ринулся в атаку, не меняя стойку. То, что я в равной степени владею обеими руками, а левша считается неудобным противником, мне ничуть не помогло. Он с лёгкостью проломил мою защиту и, не отскочи я в очередной раз, непременно нанизал бы, как бабочку. А вообще у меня сложилось такое впечатление, что этот разбойник со мной просто играл.

Когда нападавший начал свою очередную атаку, я по его виду понял, что она будет последней. Надоело ему забавляться, и он решил поставить в этом деле точку. Поэтому одновременно с началом его движения я оттолкнулся и, бросившись ногами вперёд, влетел в него, сделав ножницы.

К подобному он оказался не готов, а потому и среагировать не успел. Заминка длилась всего лишь мгновение, но мне этого хватило, чтобы завалить его на спину. По идее, в этом случае нужно брать его свободную ногу в распор, а вторую фиксировать на болевой. Вот только тут не ринг, а я не боец ММА, поэтому без затей врезал ему пяткой по причинному месту.

Хорошо так прилетело, качественно. Бедолага задохнулся от пронзившей его боли. Я же не стал проверять, насколько быстро он сумеет задействовать плетение «Лекарь». От-

пустив его ногу, я извернулся и, нависнув над ним, от души врезал по челюсти. Потом прибегнул к излюбленному приёму и достал его в горло, а когда он захрипел, сумел переместиться ему за спину, перехватить сгибом локтя за шею и резко дёрнуть, довернув корпус.

Всё же плетения работают, это факт. Сильно сомневаюсь, что в прежние времена, несмотря на режим аватара, и уж тем паче в моём родном мире, мне удалось бы с такой лёгкостью провернуть что-либо подобное. Но вот здесь получилось без особого труда, а влажный хруст позвонков и разом обмякшее тело яркое тому подтверждение.

Вскочив на ноги, я подхватил шпагу левой рукой и выхватил очередной метательный нож правой. Но Дымку моя помощь уже не требовалась, он как раз отсёк своему противнику правую руку и обратным махом перерубил горло. М-да. А кровищи-то, кровищи! Чисто мясник. Хорошо хоть, сам успел отскочить в сторону, и его не залило.

– Дымок, проверь остальных. Только учти, мне нужен хоть один, с кем я мог бы поговорить.

– Понял, Шелест.

Я убрал шпагу и вооружился вторым метательным ножом в готовности прикрыть молочного брата, ну или всё же напарника. Ещё трое боевых холопов, для разбойников с большой дороги слишком уж добротнo одеты, оказались мертвы. Один уже доходил, схлопотав пулю в грудь. А вот раненый в плечо вполне годился для разговора. Разве только для начала

его придётся привести в чувство. Здешняя пистолетная пуля посерьёзней макаровской будет, и если прилетит в упор, то гарантированный болевой шок.

– Сначала свяжи его, потом наложи повязку, – приказал я Дымку, продолжая страховать.

Тот выполнил приказ без лишних разговоров. Управился довольно быстро, благо уроки отца не прошли даром. Дядька Ефим гонял нас крепко. В смысле Илюху, потому как я схватывал всё на лету и в особых наставлениях не нуждался.

– Пока буду беседовать с этим, заряди оружие, собери копей и трофеи, – приказал я.

Дымок молча кивнул и пошёл выполнять приказ. Что именно ожидает пленника, он прекрасно понимал и не выказал по этому поводу никаких чувств. Жалеть его он не собирался, но и азарта в его взгляде я не увидел. Как и говорил Стукалов-старший – терзать человека мерзко, и чтобы делать такое, должна быть причина.

У меня она была. Всё говорит о том, что это просто разбойное нападение. Вот только полной уверенности в этом нет. Поэтому не мешало бы убедиться. А то вдруг подсыл того самого незримого врага, что решил просто совместить полезное с приятным. Отчего бы и нет, коль скоро подвернулась такая возможность.

Прежде чем начать работать с пленником, я вдруг почувствовал, как меня что-то кольнуло в живот под исподней рубахой. В недоумении я приложил к этому месту руку, но че-

рез довольно толстое сукно кафтана ничего не ощутил. Зато благодаря дару понял, что это мой амулет. Вот только что он делает на животе, если должен находиться на груди?

Стоп. А ведь точно. Тот удар шпагой, который едва меня оцарапал. Похоже, клинок тогда взрезал ремешок, и амулет постепенно сполз вниз. Иного объяснения у меня нет. Но это что же получается, я вот так, по-глупому, могу лишиться такого дорогого актива? Причём речь даже не о деньгах, а об аккумуляторе Силы.

Ладно. С этим я ещё разберусь, а сейчас не мешало бы привести пленника в чувство. И у меня имелась такая возможность, хотя у первого ранга «Лекарь» и так себе, это если мягко сказать. Ну там остановить кровотечение ссадины или самую малость притупить боль. Слишком уж незначительный заряд в один люм.

Я обождал целых семь секунд, пока плетение вберёт в себя из вместилища всего лишь один люм. Причём это ещё хороший результат, потому что не поработай поток Силы над моими каналами, и ждать пришлось бы все десять. И это при том, что среднестатистический одарённый первого ранга черпает силу из вместилища со средней скоростью один люм в секунду, а по мере роста дара это время сокращается, правда, и объём заряда, необходимого для плетений, также растёт.

И такой момент. Эффективность одного люма «Лекаря», затраченного перворанговым одарённым, никак не равна

плетению с тем же зарядом у высокорангового. Так что с третьего раза мне едва удалось обезболить рану, о том же, чтобы остановить кровотечение, не могло быть и речи. С этим предстояло справляться давящей повязке, наложенной Дымком.

Зато вместо плещущейся в глазах всепоглощающей боли во взгляде раненого появилась осмысленность. Вполне достаточно для того, чтобы причинить ему новую боль, которая наложится на старые дрожжи. Может, получится управиться быстрее? А то ведь мне не очень-то нравится тыкать железом пленника...

– Лошадей нашёл? – спросил я подошедшего Дымка, стоя над трупом.

– Сыскал. Дело-то нехитрое, – подтвердил молочный брат, задумчиво глядя на убитого.

– Спрашивай, – разрешил я.

– А к чему порешил-то? Ить напали на нас, мы в своём праве. И в том, что побили их, и в том, что тиранил его. В разбойную избу надо было бы свезти, а там и трофеи, взятые с них, все наши.

– Это местный помещик Белоглазов и его боевые холопы. Так-то по спискам крепостные, а на деле он их обучил воинскому делу и промышлял на большой дороге.

М-да. Прямо не знаю, радоваться мне этому или огорчаться. Ведь если бы их кто-то нанял, то у меня появился бы ещё один шанс выйти на заказчика. А если сами по себе пода-

лись на большую дорогу, тогда получается всего лишь случайность, и нам с Дымком удалось ликвидировать разбойную ватагу. Ну или барчука, не чурящегося разбоя. Не суть важно.

– И что с того? Тать он и есть тать. Пооди, в разбойной избе не дураки сидят.

– А ты знаешь, кем был покойник? Может, он всеми уважаемый дворянин, а я ему, как курёнку, шею свернул. Он тут свой, я чужой.

– У тебя, чай, в княжестве заступница есть, боярыня Тульева.

– Здесь земли не Елены Митрофановны. Но даже если всё разрешится в мою пользу, возможные проблемы превосходят прибыль с трофеев.

Ну не объяснять же молочному брату, что если я желаю избежать почётного звания гвардейца славного Измайловского полка, мне нужно срочно поднять свой потенциал хотя бы до пятого ранга. Это позволит покинуть ряды поскрёбышей и оказаться в числе бесталанных, как моя сестра.

А для этого мне нужно поторапливаться, так как на счету каждый день. С карманом Силы у постоялого двора мне просто повезло. Но повезёт ли так же в других местах, бог весть. А если и найду карман, не окажется ли так, что он уже разряжен или вот-вот разрядится при ближайшем полнолунии.

Вот и выходит, что условная тысяча, очень даже большие деньги, не стоит потерянного на её приобретение времени.

Просто же унести трофеи и затем их реализовать может выйти боком. А ну как привлеку ненужное внимание и вызову лишние вопросы. Вот оно мне надо? Законы и тут работают, причём нередко куда эффективней, чем в моём родном мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.